

18+ НАША ЖИЗНЬ

ДИПАН БЛАДПЕСС

**"Я ДИПАН БЛАДПЕСС —
ФРОНТМЕН CHILDREN OF PESTILENCE.
Я ХОЧУ ОСТАВИТЬ СЛЕД В ИСТОРИИ" :**

ПЕТРЮКОВА М.В.

Маргарита Петрюкова

Тайная жизнь Дилана Бладлесса

«Издательские решения»

Петрюкова М.

Тайная жизнь Дилана Бладлесса / М. Петрюкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838310-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Амбициозный фронтмен известной рок-группы, не понаслышке знающий, что искусство обладает огромной силой, твердо намерен изменить мир и войти в историю. Его коллектив собирает стадионы, альбомы продаются миллионными тиражами. Музыка способна раздвинуть рамки и стереть границы. Но есть ли тот предел, который не дозволено переступать? Запомниться нескольким поколениям можно не только золотыми и платиновыми дисками. А отважившись изменить мир, нужно помнить, что мир в ответ попытается изменить тебя. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-838310-6

© Петрюкова М.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Дилан	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	33
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Тайная жизнь Дилана Бладлесса

Маргарита Петрюкова

Дизайнер обложки Наталия Сарана

© Маргарита Петрюкова, 2017

© Наталия Сарана, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8310-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Дилан

Глава 1

Ваши мысли намного сильнее, чем вы предполагаете, а каждый мысленный образ является реальной силой, способной повлиять на вашу жизнь.

Джон Кехо, «Подсознание может всё»

Свет в гримёрке приглушён. Я стою перед ростовым зеркалом, подсвеченным софитами, и поправляю волосы. На столике валяются недоеденные шоколадки, пара пустых пивных банок и свежий номер New York Times.

– Дилан, пора на сцену, – заглянул менеджер. – Ты готов?

– Да-да, дай мне пару минут.

Дверь закрылась, и я снова повернулся к зеркалу. Причёска в порядке, макияж – тоже. Джинсы-скинни – дань моде – сидят идеально.

Высокие кеды – самая удобная для выступлений обувь. Поло «Фред Перри» и чёрный спортивный пиджак завершают мой сценический образ, который перестал быть просто имиджем и стал частью меня. Мне тридцать пять лет, но выгляжу я гораздо моложе. Меня зовут Дилан Бладлесс (фамилия, конечно же, не настоящая), и я вокалист одной из самых успешных групп современности. Звучит нескромно, но это правда. Мы продали в общей сложности десять миллионов копий наших дисков. Дома на стенах у меня висят золотые и платиновые альбомы, и стоит куча статуэток престижных музыкальных премий. Мы выигрывали почти во всех номинациях, но даже там, где нас обошли группы одного хита, мы знали – мы лучшие. Мы называемся Children of Pestilence. Это название придумали Лейтон и я ещё в школе, и если сейчас прислушаться, то можно услышать, как сотни подростков, собравшихся на наше шоу, скандируют его, ожидая, когда мы поднимемся на сцену.

Я делаю глоток яичного напитка, который наш менеджер готовит мне перед каждым концертом – он уверяет, что это полезно для связок – и спускаюсь на бэкстейдж. Там разминаются мои музыканты. Растяжка, прыжок, приседание, снова растяжка. Я бы присоединился к ним, если бы всё тело не ломило после вчерашней кокаиновой вечеринки, а так приходится просто наблюдать. Люблю этих ребят. Они настоящие профессионалы и хорошие друзья. Мне повезло, что я работаю с ними. Многие журналисты спрашивают, если бы я мог начать жизнь заново, изменил бы я что-нибудь? И я всегда отвечаю – нет. Если бы у меня было девять жизней, как у кота, я бы все их посвятил Children of Pestilence. Это наше детище.

Джей, наш барабанщик, показывает мне поднятый вверх большой палец, я отвечаю тем же, но он не видит, потому что уже выбегает на сцену. Тут же стены клуба сотрясает оглушительный вопль, вырывающийся из сотен глоток стоящих в зале людей.

Тут же на сцену поднимаются все трое гитаристов, и новая волна криков прокатывается по помещению. Здесь потрясающая акустика, концерт сегодня обещает быть великолепным. Менеджер машет мне рукой, приказывая последовать за музыкантами, но они вышли на сцену так быстро, что я не успел сообразить что к чему. Это странно, учитывая, что эту процедуру мы повторяем из года в год уже добрых десять лет подряд. Я поправляю ушной монитор и легко и грациозно вспархиваю на сцену. Проекторы ударяют мне в глаза, ослепляя на миг, и в какую-то секунду кажется, что звуковая волна, исходящая из зала, собьёт меня с ног.

Когда после полумрака гримёрки мои зрочки, наконец, привыкают к яркому свету сцены, я вижу в зале улыбающиеся лица. Люди рукоплещут и кричат, на многих надеты наши фирменные футболки. Что может быть важнее признания твоей работы миллионами? Подтверждением тому служат полные залы, платиновые диски, первые места в чартах, огромное количество подписчиков в социальных сетях. Многие только мечтают об этом, а Children of Pestilence этого добились. Причём добились сами, упорно прокладывая дорогу собственными силами и не ведаясь на провокации рекорд-компаний.

Что может тешить самолюбие сильнее, чем осознание того, что эти люди в зале пришли, чтобы увидеть нас? *Чтобы увидеть меня.* Кто-то из них, возможно, копил карманные деньги несколько месяцев, а кто-то проехал сотни километров, чтобы добраться сюда из соседних городов, которые группа не почтила своим присутствием. Все люди разные, но всех объединяет их любовь к музыке, любовь к нам самим.

Парни сзади меня начинают играть, и зал снова разрывается восторженным воплем. Люди узнают песню, я начинаю петь, и каждую строчку зрители поют вместе со мной. Моментально становится жарко и я сбрасываю пиджак. Следует новая волна криков.

– Привет, Балтимор! – говорю я, отдышавшись. – Мы рады снова быть здесь!

Зрители кричат и хлопают, а я мысленно вздыхаю с облегчением, что назвал правильный город. Не то, чтобы я халатно относился к поклонникам, но долгие гастроли располагают к тому, что рано или поздно неприятный казус случится.

– Как дела, Балтимор?

Одобрительный гул в ответ. Наш басист Энди вытирает лицо полотенцем и подходит к краю сцены, отчего толпа начинает кричать ещё сильнее.

Программа рассчитана на полтора часа, и за это короткое время мы собираемся зажигать так, как мы любим и умеем. Никто ещё не уходил недовольным с концерта Children of Pestilence, и сегодня этого не произойдёт.

Звук в клубе и правда потрясающий. Это было слышно ещё на саундчеке, но сейчас, непосредственно на выступлении, он превосходит все ожидания. Толпа разделяет наше мнение, они отрываются на полную катушку, прыгают в такт, поют вместе со мной. Делай то, что любишь, делай это с душой, и ты добьешься успеха. Мы добились.

Красный, синий, зелёный – цвета мелькают перед моими глазами, выхватывая из толпы взволнованные разгорячённые лица. Рябит. Я опускаю веки, падаю на колени, полностью растворяясь в своём пении. Слышу свой голос в мониторах, верчусь волчком по сцене, открываю глаза, вижу Энди, который прыгает с гитарой в опасной близости от края, делаю ему знак рукой, чтобы он отошёл на несколько шагов назад, но басист в ударе. Он остервенело дергает струны, мы исполняем один из самых агрессивных наших треков. Он отнимает много сил в плане перформанса, но любим публикой, и мы идём у них на поводу. Лица людей в зале становятся злее, я кричу в микрофон что есть мочи. Волна энергии, исходящая от аудитории заставляет меня отшатнуться назад, но со своим криком я выпускаю всю боль и злобу, и энергия смешивается, воздух тяжелеет, это ощущается почти физически. На нас обрушивается барабанный бой Джея, усиленный лучшим музыкальным оборудованием, от баса вибрирует всё вокруг, я стою на четвереньках и смотрю в пол. По лицу струится пот. Всё стихает, но лишь на мгновение, и в следующий момент публика разражается благодарственными криками. Я поднимаюсь на ноги и окидываю зал невидящим взглядом. Пот заливал глаза, я отбрасываю мокрые волосы со лба. Это простое движение приводит девушек в первых рядах в экстаз, а мы медленно спускаемся со сцены.

Гул в зале не прекращается, эти люди знают – Children of Pestilence выйдут на бис.

Менеджер очень кстати раздает нам сухие полотенца, я прижимаю своё к лицу. Кто-то хлопает меня по плечу, но я не вижу, кто это. В бэкстейдже темно, перед глазами пляшут цветные круги. Пара минут на отдых, и мы снова сцене, снова толпа неистовствует, гитары

ревут. Мы играем три трека, прощаемся с публикой, благодарим их и уходим со сцены. Теперь окончательно.

В зале зажигают свет, техники идут убирать инструменты, а я снова в своей тёмной гримёрке. Стягиваю с себя мокрую от пота футболку и непроизвольно бросаю взгляд в зеркало. У меня красивое тело, достаточно красивое для моего возраста, хотя и не такое идеальное, как было, скажем в начале карьеры. Возможно, оно тогда и привлекло к нам некоторую часть женской аудитории. Впрочем, мной восхищаются в Интернете и по сей день, так что жаловаться не на что.

Татуировки нисколько не портят меня, скорее наоборот. Да и как искусство может что-либо испортить? А тату – это искусство, кто бы что ни говорил.

Кто-то из организаторов поставил на стол коробку с пищей и тихо выскользнул из комнаты. Я отломил кусок, но, подержав его в руках несколько секунд, положил обратно. Я не голоден. Никому не говорил об этом, но что-то непонятное творится с моим аппетитом. Может это из-за препаратов, которые я принимаю?

Внизу слышен смех, это ребята делятся впечатлениями от концерта. Я натягиваю сухую футболку и нехотя спускаюсь к ним.

– Отличное шоу, Дилан! – хлопает меня по плечу менеджер.

– Только Дилан? – картинно надувает губы Джей.

– Нет, – исправляется тот. – Конечно, нет.

Энди уплетает пищу за обе щеки, а гитаристы Лейтон и Майк полностью увлечены своими телефонами. Они жалуются друг другу на плохой вай-фай и пытаются сделать селфи. Джей притащил из холодильника пять бутылок пива и раздал всем нам. Я откупорил свою, сделал глоток и почувствовал, как холодный напиток пошёл вниз по пищеводу.

Почему-то у меня такое странное чувство, словно я смотрю на происходящее со стороны. Вот я стою со своими друзьями по группе в комнате, пью пиво, смеюсь, но я – это не я.

Когда все наконец готовы к отъезду, я вздыхаю с облегчением. Мне не терпится убраться отсюда, закрыться в своём номере в гостинице и провалиться в сон. Последнее время меня терзают довольно мрачные мысли. Я хочу поговорить об этом с ребятами, но не нахожу в себе сил. Хочется, чтобы они сами догадались, поняли, что со мной что-то не так, сели и начали откровенный разговор. Но этого не происходит. Я хочу разобраться в себе, остаться наедине с собой. Но это невозможно. До этого мы записывали альбом, сейчас мы в туре, где и пробудем следующие несколько месяцев. Потом небольшая передышка, а затем летний тур по фестивалям Европы, России и Японии. Не уверен, что смогу это выдержать.

На улице ждут поклонники, которые сразу кидаются к нам с блокнотами и фотоаппаратами. Приходится остановиться на полпути к фургону и отрабатывать свои гонорары. Не скажу, что мне это не нравится. Многие говорят также, что мы, артисты, презираем своих фанатов, считаем их быдлом и тупицами. Таким людям хочется задать вопрос: по-вашему, у нас самих нет кумиров? Нет тех, кто вдохновил нас заниматься тем, чем мы занимаемся? Мы ценим каждого поклонника. Поддержка, которую они нам оказывают, колоссальна, и наша благодарность не заставляет себя ждать.

Автограф-сессии, встречи с фанатами после концертов, фото – это всё, что мы можем сделать для них. И мы делаем.

Красивая девушка пристраивается рядом со мной для фото, и я кладу руку ей на плечо. Вспышка.

– Спасибо, – девушка забирает у фотографировавшего свой айфон и поворачивается ко мне. – Спасибо.

– Всегда пожалуйста, – отвечаю я с улыбкой. – Спасибо, что пришла.

Её место занимает другая, не менее красивая. Вспышки фотоаппаратов ослепляют меня, но я терпеливо позволяю каждому желающему подойти ко мне, обнять, поцеловать, перекинуться парой слов, подарить какую-нибудь безделушку, сделать фото.

Я стою здесь, отдаю им свою энергию, самого себя и вижу, как рядом мои коллеги по группе делают то же самое. За этим мы пришли в наш мир. Я вижу, как люди в толпе знакомятся. Возможно, многие из них станут друзьями, у кого-то завяжется роман. Наша музыка призвана объединять людей, дарить им надежду и позитивные эмоции. Музыка – очень сильное оружие, способное перевернуть всё. Так я думал. Представьте только, на концерте я могу одним движением руки заставить сотни людей замереть, а потом я щелкну пальцами, и они будут прыгать. А потом я снова останавливаю их. И они будут выполнять эти команды с удовольствием. Куда до нас партийным лидерам или сектантским проповедникам? Достаточно написать хит, собрать зал, дать аудитории мощный заряд энергии и они полностью в твоей власти.

Странно, что никто ещё не додумался использовать огромную силу музыки во зло. Ведь это проще простого. Но этого не происходит, видимо потому, что музыка просто не может служить злу. Её прямое назначение – радовать. И люди будут прыгать на моих концертах в едином порыве, и останавливаться по одному моему знаку, но это просто шоу. И все мы не больше чем его часть, несмотря на то, что люди в зале считают меня Богом. А кто я на самом деле? Этого не знаю даже я сам. Я человек из плоти и крови, со своими желаниями, достоинствами и недостатками. Я тот, кто оставит след в истории рока, тот, кого любят миллионы людей по всему миру, тот, кому завидует добрая половина представителей шоу-бизнеса, тот, кто перевернул представление об альтернативной музыке с ног на голову. Я Дилан Бладлесс. Я рок-звезда.

Глава 2

Я почти ничего не помню из своего детства, но всё, что приходит сейчас в голову – сплошь хорошие воспоминания. Этот старый стереотип об успешном музыканте с трудным детством давно канул в лету. Я вырос в благополучной семье, в которой не было наркоманов и алкоголиков, и был стабильный доход. Мы никогда ни в чём не нуждались, меня не дразнили в школе, учился я тоже хорошо.

В средних классах я познакомился с Майком и Лейтоном, у которых дома тоже было все в порядке.

Изредка слыша в новостях, как пьяный житель нашего городка избил свою жену до полу-смерти, мы искренне удивлялись, как такое вообще возможно. Наши родители всегда оберегали нас от подобных вещей, заставляли думать, что мир идеален, но это было не так.

Мне было лет десять, когда я впервые столкнулся с человеческой жестокостью лицом к лицу. Тогда было дикое время, начало девяностых, беззаконие, новостные сводки пестрели сообщениями об убийствах, грабежах и изнасилованиях. Но нам казалось, что подобные вещи никогда не коснутся нас. Мы жили в наших домах с уютными садиками, обнесенными дощатыми заборами, которые являются лишь частью внешнего интерьера. Завтракали кукурузными хлопьями с апельсиновым соком, прогуливались в маленьких парках, абсолютно не думая о том, что где-то в этот самый момент кого-то до полусмерти избивают бейсбольными битами в одном из темных переулков.

Я даю более ста интервью в год, и больше половины журналистов спрашивают, повлияли ли какие-нибудь детские воспоминания на мои тексты. И я отвечаю – да.

Поздним вечером мы с мамой стояли на автобусной остановке в даунтауне. Транспорт в это время ходил ужасно, и я уже начал ныть, что хочу домой. Чтобы как-то развлечь себя, мне хотелось попрыгать вокруг, но мама крепко держала меня за руку, не позволяя отходить от себя ни на шаг. Я тогда не понимал почему, даже после случившегося. Это сейчас, оглядываясь назад, я могу истолковать её необычную строгость, раздражительность и нервозность. Она боялась. Боялась каждую секунду, что мы провели там и, как выяснилось, не зря.

Совершенно внезапно рядом с нами возник чернокожий довольно ободранного вида, который попытался выхватить сумочку у девушки, стоящей буквально в метре от нас. Та сопротивлялась.

– Отдавай сумку, – сквозь зубы прошипел он.

Девушка хотела позвать на помощь, тут блеснуло лезвие охотничьего ножа, который злоумышленник тут же воткнул жертве в бок и, получив вожаденную сумочку, скрылся. Ладонь мамы легла на мои глаза, я пытался убрать её руку, но она держала крепко. Я слышал крики людей, сирену скорой помощи. Мама поймала такси и впихнула меня в машину. Я приткнулся к заднему стеклу, пытаюсь увидеть, что произошло с несчастной девушкой, но её уже окружила толпа зевак. Я посмотрел на маму:

– Она умерла?

– Нет, Дил. Просто ранена, сейчас её отвезут в больницу, и всё будет хорошо.

Маму била крупная дрожь. И неудивительно, ведь на месте этой девушки могла оказаться она сама.

И вот тогда, уносясь прочь оттуда на заднем сидении такси, я понял, что мир за пределами нашего благополучного района именно такой, каким его показывают в новостях: полный преступности, обмана и подлости.

И в тот самый момент я осознал, что не хочу жить в таком мире. Я создам собственный, богатый, изобильный мир, где живут лишь люди с благородными стремлениями. Воздух будет наполнен ароматами цветов и детским смехом. Самолёты не будут разбиваться, по доро-

гам будут ездить только экологически чистые автомобили. Я буду любить свой мир и всё, что внутри него. Никаких войн, бунтов и смерти, нам не нужна будет полиция, потому что не будет преступности и не будет оружия. Не будет свиста падающих бомб и этих ужасных репортажей, что показывают в вечерних новостях.

Но как я создам этот мир? Будучи ребенком, я этого ещё не знал. Ответ пришел позже, когда я поступил в университет и познакомился с Джем. Мы постоянно слушали записи Nirvana и рассуждали о том, какое влияние на современную рок-культуру оказало их творчество. Я считал Курта Кобейна гением, Джей же придерживался мнения, что тот был просто наркоманом, которого незаслуженно переоценивают.

– Как ты можешь так говорить? – постоянно искренне поражался. – Они основоположники гранжа, Курт – голос поколения, которое нашло себя в их музыке!

– Подросткам нужен был идол, которому они будут поклоняться. Им стал Кобейн. Просто оказался в нужное время в нужном месте. Если бы не он, дети нашли бы себе другой объект обожания.

– Музыкантов было много! Но выбрали именно его. Даже сейчас, после его смерти, диски Nirvana сметают с полок музыкальных магазинов!

– После его смерти это хоть как-то оправдано, – парировал Джей.

– Ты просто хочешь пойти против большинства.

– Брось. Я всего лишь пытаюсь объяснить тебе, что в мире много исполнителей достойнее и лучше этого торчка.

– Не хочу ничего слушать! О вкусах не спорят, Джей!

Будучи ярым фанатом Nirvana, я воспринимал в штыки любые доводы, направленные против моего кумира. Музыка звучит непрофессионально? А для настоящего гранжа это и не нужно! Курт принимал наркотики? Он делал это не от хорошей жизни! А как насчет его асоциального поведения? Так это же и есть тот бунтарский дух, о котором столько спето и сказано! Но он же выстрелил из ружья себе в голову! Нет! Его убили! Убили!

Вот так я рассуждал в шестнадцать лет. Я был влюблен в нигилистическую идеологию, которую проповедовало большинство современников вышеупомянутых Nirvana. Я ругал СМИ, ненавидел правительство, мечтал об анархии. Но общение с Джем тогда помогло мне понять, как создать тот идеальный мир, о котором я грезил в детстве. Мы соберем группу.

Ребята с радостью поддержали мою инициативу, и мы приступили к сочинению наших первых песен. Тогда мы плохо представляли, в каком направлении двигаться, а если учесть, что у всех были разные музыкальные вкусы, то в итоге получалась какофония.

Звучание более-менее оформилось, когда мы нашли басиста. Изначально мы вообще не планировали брать пятого человека, но Майк и Лейтон никак не могли поделить соло-гитару, и в группе появился Энди.

Со временем мы поняли, что такое решение пошло группе на пользу. Чем больше мы прогрессировали в музыкальном плане, тем больше возможностей открывалось для двух гитаристов.

Тексты на заре нашего творчества тоже оставляли желать лучшего. Ну а что можно было ожидать от кучки подростков, которые только взяли в руки музыкальные инструменты? Мы писали о том, о чём пели наши кумиры, а кумиры у всех были разные. Из-за лирики вспыхивали бурные споры, пару раз доходило даже до драк. Энди кричал о том, что не хочет быть в группе с такими идиотами, как мы. Майк и Лейтон учили друг друга играть, Джей просто стебался над всеми, а я думал, что я единственный, кто пытается что-то сочинить. Путем проб и ошибок на протяжении всей карьеры мы пришли к тому, что наши тексты ныне – это мотивирующие и жизнеутверждающие гимны, баллады, понятные каждому, и агрессивные боевики о борьбе с системой. Это то, что нас волнует, то, о чём мы хотим говорить, и то, о чём и говорим.

Глава 3

Я хочу написать автобиографию. Это желание крепнет во мне с каждым днем, и несколько раз я даже открывал свой макбук про, собираясь начать, но каждый раз пальцы замирали над клавиатурой, когда я понимал одну вещь.

Мы собрали группу, внутри которой не было громких конфликтов. Участники никогда не менялись, мы отлично ладили друг с другом. Мы настоящие друзья не только перед камерами. Мы никогда не лгали, мы те, кто мы есть.

Мне нечего сказать. Мои родители не были пьяницами или наркоманами, не били меня, и мы не перебирались постоянно с места на место, как обычно пишется в книгах многих моих коллег. Меня не выгоняли из школы, и я не попадал в неприятности, стоящие того, чтобы упомянуть о них в биографии. У меня было много подружек, но никогда не было любовных драм. Мои друзья не умирали от наркотиков, я сам не лечился в клинике-срывался-снова лечился. Ничего этого не было.

Я не был женат, у меня нет внебрачных детей. Наверное. Обо мне не ходило никаких слухов, меня не обвиняли в гомосексуализме, никаких скандалов в прессе.

Так что я полностью положительный персонаж. Положительный до тошноты. И мне не о чём написать в своей биографии.

– Лейтон, – зову я гитариста.

– Что?

– Ты никогда не думал о том, что мы просто статисты в мире музыки?

– В смысле? – нахмурился тот.

– Что когда мы уйдем со сцены, о нас никто не вспомнит.

– Ты что такое говоришь? – Лейтон возмущен. – Артист жив до тех пор, пока жива его музыка! Почему о нас должны забыть?

– Потому что, по сути, мы ничем не выделяемся из общей массы рок-групп.

– Как это не выделяемся, Дилан? У нас есть свой стиль, свой саунд, мы продали миллионы пластинок...

– Да, сейчас это круто, я не спорю, но в долгосрочной перспективе это ведь никого не интересует.

– А перед лицом Вселенной – тем более, – кажется, Лейтона мои слова раздражают, – откуда вообще эти мысли, Дилан?

– Просто я хочу, чтобы нас помнили долго. Не хочу быть звездой-однодневкой.

– И что ты предлагаешь?

– Я не знаю, – я действительно не знаю. – Надо сделать что-то выдающееся! Такое, чего никто до нас не делал!

– Есть идеи?

– Нет, – признался я.

– Тогда давай возобновим эту тему, когда они появятся.

– Но ты же понял мою мысль, Лейтон?

Гитарист покивал, но я всё равно почёл нужным разъяснить:

– Я хочу, чтобы люди говорили о нас спустя многие годы, как до сих пор говорят о Beatles, Sex Pistols, Ramones, Nirvana!

– Опять он про Nirvana! – закатил глаза вошедший Джей.

– Ну, это ты высоко хватил, – настороженно посмотрел на меня Лейтон.

– Считаешь, мы не способны повторить их успех?

– Мы способны делать то, что делаем, делать это хорошо и не повторять чью-то историю, а писать свою, – сказал Джей.

– А вообще, ты не заметил, что перечисленные тобой группы кое-что объединяет? – задумался Лейтон. – Как минимум одного участника каждой уже нет в живых. Я надеюсь, Дилан, ты не решишь прикончить кого-нибудь из нас, чтобы «повторить их успех»?

Я добродушно смеюсь:

– По-твоему, я похож на убийцу?

– Кстати про убийц, – вспоминает Энди. – Слыхали про этого психа-сектанта из Денвера?

Если вы живете в Америке, вы не могли про него не слышать. Ненормальный фанатик решил очистить мир от «неверных», собрал кучку последователей, с которыми убил около десяти человек, а потом пустился в бег.

Все главные телеканалы пестрели новостями о нём, мамочки не пускали детей в школу, католики устраивали молебны, пока, наконец, его и всех сообщников не поймали. Но, судя по его аккаунтам в социальных сетях, у него осталось достаточно почитателей, чтобы вырезать полстраны, но этих людей нельзя привлечь к суду лишь за то, что они были подписаны на его твиттер.

– И что с ним? – оторвался от ноутбука Майк.

– Умер в тюрьме. Объявил голодовку и никто не мог заставить его есть.

– Ожидаемо, – пожал плечами Лейтон. – Все психи так и заканчивают.

– А ведь представьте, – Энди даже содрогнулся. – Этот тип был примерным семьянином, успешным на работе. Никому и в голову не могло прийти, что он убивает направо и налево.

– Меня только удивляет, как люди могли за ним последовать? – Джей делает глоток газировки и ставит банку на стол. – То есть, ведь он проповедовал геноцид в чистом виде.

– Псих с потрясающим даром убеждения, ничего удивительного.

– Направить бы его дар в мирное русло, – вздыхаю я.

– Поздно, – мрачно отвечает ударник. – Он умер.

Я снова возвращаюсь мыслями к своей ненаписанной автобиографии. Я мог бы написать о своей семье, но у меня её нет. То есть у меня есть родители, брат, но я не об этом. Все ребята в группе женаты, у всех по двое детей, только у Майка один.

И я сморю на них и не понимаю, когда они стали взрослыми. Да, мы определенно выросли за это время: сменили мешковатые штаны и тапки Вэнс на узкие джинсы и ботинки «Рокпорт», футболки с провокационными надписями на поло «Фред Перри». Остригли волосы. Но может это не признак зрелости, а лишь дань моде? Мы росли вместе, выросли вместе, но я не могу различить тот момент, когда они остепенились, перешагнули эту черту, за которой я остался и топчусь там до сих пор.

Есть огромное количество девушек, которые хотели бы выйти за меня замуж, и я сейчас говорю не только о фанатках, а о тех, кого знаю лично. Но я не готов. У меня впереди целая жизнь, я рок-звезда, я не хочу быть кому-то обязанным, отчитываться перед кем-то. Да, мне тридцать пять, и в этом возрасте пора создавать семью. Но я женюсь тогда, когда действительно захочу этого, а не тогда, когда мне стукнет определенное количество лет.

– В такие моменты я думаю, что все наши попытки изменить мир тщетны, – вдруг говорю я.

– В какие моменты? – поворачивается ко мне Лейтон.

– Когда я вижу все это зло. Мы поём о справедливости, гордости, честности. О борьбе с этим дерьмом, которое вокруг творится.

– О, парня накрыл кризис среднего возраста, – вставляет Джей.

– Дилан, оно всегда будет. Мы стараемся, но не может кучка людей покончить с мировой несправедливостью. Наркомания, проституция, взяточничество, ложь, убийства, изнасилования, предательство...

– Заткнись! Заткнись! Заткнись! – ору я, закрывая руками уши.

Вся группа шокировано смотрит меня. В гримёрке воцаряется тишина. Нам с минуты на минуту выходить на сцену. Мне дико неловко перед гитаристом, и я спешу ретироваться.

Часто во время концертов я могу обнять кого-нибудь из участников группы, могу и расцеловать. Публике это нравится, ребятам – тоже. Мы отлично взаимодействуем друг с другом, и перформанс Children of Pestilence это уже больше, чем просто рок-шоу.

Но только не сегодня. Мы отыгрываем весь сет, на бис не выходим, ребята сидят в гримёрке, а я, стараясь оттянуть момент общения с ними, иду к поклонникам.

Кто бы что ни говорил, они много для меня значат. Общение с ними поднимает мне настроение, позволяет понять, что я не зря живу в этом мире, раз есть люди, которые меня любят.

Зарядившись позитивной энергией, я возвращаюсь в гримёрку. Нам принесли пиццу, но я не хочу есть. Музыканты сидят, уткнувшись в ноутбуки и телефоны, делая вид, что меня здесь нет. Я беру кусок пиццы, откусываю, кладу обратно.

– Лейтон, – слова застревают в горле.

Гитарист поднимает голову. Смотрит на меня, а я не могу ничего сказать. Гордыня – один из смертных грехов и, должен признать, я грешен. Место в аду уже ждёт меня, остается лишь собрать чемоданы и найти себе хорошую компанию, а с этим, я уверен, проблем не будет.

Лейтон всё смотрит на меня, ждёт, что я скажу. Глаза у него большие и голубые, а у меня зелёные. Голубые лучше, чем зелёные.

– Прости, что накричал. Я был неправ.

– Дил, – гитарист встал.

Чтобы быть ближе ко мне или чтобы не смотреть снизу вверх – не знаю.

– Скажи, у тебя всё нормально? Тебя что-то беспокоит? Поделись, Дил.

– Нет, у меня всё хорошо.

Чёрт, я только что пытался поделиться тем, что меня беспокоит, и что получил в ответ? Насмешки и полное нежелание хотя бы задуматься над моими словами. Спасибо, мне хватит.

Не могу больше терпеть пронзительный взгляд Лейтона. Отворачиваюсь.

– Ты собирайся, – говорит мне он. – Ехать пора.

Я рассеянно киваю, ухожу, пишу в Твиттер о том, что Children of Pestilence, возможно лишь капля в море групп, получаю десятки реплаев несогласных фанатов, утверждающих, что мы сама уникальность.

Ненадолго становится легче. Достаточно для того, чтобы я взял себя в руки и сложил вещи в чемодан.

Едем в отель. Молчим. Я делаю вид, что сплю.

Утро. Сажу в лобби отеля, проверяю социальные сети. До выезда ещё рано, но я не могу находиться в своём тесном номере. Всю ночь, пока я лежал в постели, мне мерещилось, что стены сдвигаются и вот-вот раздавят меня, поэтому лишь только чуть рассвело, я пулей вылетел оттуда.

Что-то странное творится с моим аппетитом. За последние три дня почти ничего не ел. Может, это из-за наркотиков? Но я не принимал ничего уже неделю.

На плечо мне ложится рука. Джей.

– Хреново? – спрашивает он.

Я молчу, но по моему лицу видно, что даже эпитет, употреблённый барабанщиком, не способен в полной мере описать моё состояние.

– Вот, чтобы не чувствовать себя так, как сегодня утром, не веди себя так, как вчера вечером.

Глава 4

После того, как у нас появились нормальные песни, мы начали думать о названии для группы. Мы все понимали, каким оно должно быть, но никто из нас не знал тех слов, при помощи которых это можно выразить.

Мы хотели, чтобы услышав наше название, высокоморальные домохозяйки морщились так, словно при них нецензурно выразились. Но при этом мы не хотели, чтобы оно звучало отвратительно. Десятки, а возможно, и сотни вариантов, были отвергнуты, пока Джей не предложил Children of Pestilence (Дети чумы – прим. автора).

Это название было достаточно неприятным, хорошо звучало фонетически и, главное, оно было серьёзным. Таким, с которым мы можем идти всю жизнь, и никто не скажет, что у группы детское название.

К тому же, оно имело и скрытый смысл. После того, как в Европе миновала чума, наступила эпоха Ренессанса, новый виток в развитии культуры, без которого мы не имели бы всех тех легендарных произведений искусства, выставленных в музеях по всему миру.

А мы – Ренессанс XXI века. Дети той чумы, которой была охвачена музыкальная индустрия, и именно мы дадим начало новой эпохе Возрождения. Мы выведем альтернативную музыку на новый уровень, тысячи групп станут нашими подражателями, миллионы поклонников будут боготворить нас.

Так мы думали, будучи детьми. Об этом мечтают все подростки, создавшие группу, и очень многие разочаровываются. Но не мы.

Да, мы не боги, но у нас в нашем тесном коллективе присутствует то единство душ и умов, которому могут позавидовать очень многие наши коллеги. Children of Pestilence – настоящие.

Мы друзья не только когда включена камера, но и тогда, когда нас никто не видит.

У нас огромная армия поклонников, которые были с нами все эти годы, с нашей первой песни, первого альбома, первого сингла, первой награды. И к ней постоянно примыкает все больше и больше людей. Число подписчиков в Твиттере и просмотров на Ютубе растет, а с ними растут и наши гонорары.

Стоп. Если все так хорошо, почему я сижу на наркотиках? Я должен быть счастлив, что вокруг меня друзья, что моя работа приносит мне удовольствие, что я имею возможность путешествовать, видеть мир, знакомиться с новыми людьми, черпать вдохновение из всевозможных источников. Упиваться им. Но я несчастлив.

Несчастлив от того, что поднимаясь на сцену, я вижу в зале сотни пустых глаз, которые смотрят на меня, слушают нашу музыку, но не слышат наше послание. В опросах, которые мы проводим на Фейсбуке, песни о несчастной любви опережают песни о настоящих человеческих ценностях. Девушки пишут мне в социальных сетях о том, что хотят заняться со мной сексом. Это тешит моё мужское самолюбие, но не удовлетворяет ораторскую жажду быть услышанным и понятым.

У меня красивое лицо, красивое тело, и с годами я научился правильно использовать их. Но я хочу, чтобы люди ценили меня не только за внешнюю оболочку.

Я прихожу домой, смотрю на висящие на стенах платиновые диски и думаю, Children of Pestilence получили их потому, что наша музыка несет в себе какой-то смысл или потому, что их фронтмен красавчик? Мне никогда не узнать истину, и меня это мучает.

Я не питаю иллюзий, что вся планета единогласно признает наши идеи, но наши фанаты – вот люди, от которых мы в первую очередь ждем понимания. И когда они его нам не дают, это обижает.

Однажды Children of Pestilence играли на открытой площадке в Балтиморе. Народа было немного, по сравнению с тем чудом, которое нам довелось видеть будучи хэдлайнерами Рединга, но толпа собралась приличная.

Дымовые пушки работали на полную мощность, и я стоял, окутанный клубами дыма, в свете прожекторов и, должно быть, походил на Мессию. Люди хором пели наши песни. Иногда я замолкал, давая им возможность солировать, и этот нестройный хор слышали все в округе.

Небо потихоньку меняло свой цвет. Когда мы вышли на сцену, оно было светло-голубым, потом закат окрасил его в красно-жёлтые тона, а к концу шоу над нами простиралась уже тёмно-синяя бездна. Нам оставалось отыграть последние три композиции, попрощаться с публикой и покинуть сцену. Было невероятно жарко, и я страстно желал лишь одного – как можно скорее оказаться в своём гостиничном номере под холодным душем.

Следует сказать спасибо организаторам и прокатчикам – свет и звук был просто отличный. Я смотрел на расползающийся вокруг меня дым, подсвеченный красным и жёлтым, который стелился по сцене, и вдруг заметил, что слэм в фан-зоне превратился в драку.

– Если кто-то упал в слэме, – мирно начал я в микрофон. – Не оставляйте его лежать на земле!

Я не хотел, чтобы среди зрителей началась паника, поэтому намеренно не стал говорить про драку. Мы начали следующую песню, медленную и красивую. Я надеялся, что фанаты успокоятся, но поскольку слэм уже перерос в мордобой, им было всё равно, какие мелодии звучат со сцены.

Я наклонился к одному из охранников, стоящих перед фан-зоной, и попросил его усмирить наших разбушевавшихся поклонников, в ответ на что услышал, что этот парень не может покидать свою рабочую зону.

Я опешил. То есть как – не может покидать рабочую зону? Слова на автомате вылетали из моего рта, охранник уже повернулся ко мне лысым затылком, в то время как я беспомощно наблюдал за своими фанатами, разбивающими друг другу лица.

Хотелось уйти со сцены немедленно, но такой поступок повлечет со стороны менеджмента и коллег по группе вопросы, на которые я не хочу отвечать.

Я посмотрел на своих музыкантов. Казалось, они не замечали происходящего в фан-зоне. Или делали вид, что не замечали. Как только я закончил петь, то сразу ушел со сцены, оставив их доигрывать последние аккорды в одиночестве. Я прямо физически ощущал их осуждающие взгляды, но мне было все равно.

Менеджер подал мне полотенце, я механически провел им по лицу и бросил на землю. Тут же подбежал кто-то из работников сцены и забрал его. Как же меня тошнит от мелочности этих людей.

Я прохожу в трейлер, который служит мне гримёркой фронтмена, падаю на диван и закрываю глаза. Перед взглядом, устремленным в закрытые веки, всё ещё мелькают зелёные круги, остаточное явление после светящихся в лицо ярких прожекторов. В ушах шумит, но я отчетливо слышу приближающиеся шаги. Дверь открывается, и голос Майка вопрошает:

– Какого чёрта это было, Дил?

– Ты видел драку в фан-зоне? – устало поднимаю веки.

– Видел, – кивает гитарист.

– И стоял на сцене так, словно ничего не происходит?

– Ты тоже!

– По-твоему, я должен был посеять панику среди зрителей?

– Попросил бы их остановиться, ты же фронтмен, – последнее слово из его уст прозвучало прямо-таки оскорбительно. – Вместо этого ты свалил. Оставил нас стоять там, как идиотов.

Позволь напомнить, что кроме этой кучки отморожков, на тебя смотрела толпа в несколько тысяч человек. И ты вот так вот свалил!

– Мне было нехорошо.

– Последнее время тебе всегда нехорошо, – говорит Майк, и я замечаю в его взгляде что-то, чего не видел раньше.

Отворачиваюсь, вздыхаю:

– Ты не понимаешь.

– Ну конечно, куда мне, – сарказм гитариста мне неприятен.

– Что за шум, а драки нет? – влетает Джей. – Дил, ты чего ретировался так быстро?

– Разве этого мы хотели?

Ударник смотрит на меня, потом на Майка, который всем своим видом говорит: «Эта песня хороша, начинай сначала». Никогда не думал, что Майк может быть таким злым. Майк, которого я знаю с детства, у которого большие, как у героев аниме, карие глаза. Который и мухи не обидит. Мой Майк. Сейчас стоит и ранит меня в самое сердце.

– Чего хотели, Дил? – наклоняется ко мне Джей.

– Когда собирали группу, разве мы хотели видеть мордобою в зале? Этому учат наши песни? Лица бить друг другу? Ненавидеть? Если это так, то я не хочу продолжать.

– Дил, – только и говорит ударник.

– Брось, – с напускным равнодушием отмахивается Майк. – Ну подрались парни, с кем не бывает.

– Думаешь, я из-за одного этого случая распереживался? Первая драка, по-твоему? Первый случай свинского отношения людей друг к другу? Предательства? Отнюдь! Я вижу это все на каждом шагу! И мне больно от того, что наши поклонники не прислушиваются к посланию, которое несет наша музыка!

Тот закатывает глаза. Входит Дуглас, наш менеджер:

– Ребята, машину подадут в одиннадцать тридцать.

Киваем. Дуглас выходит. Майк семенит за ним.

Вот от таких моментов хочется отрешиться. Но даже наркотики не могут ослабить боль от того, что наши поклонники не хотят быть человечными, а моя группа отказывается меня услышать.

Глава 5

Автобус медленно катит между городами, за окном типичная унылая американская прерия. Майк спит, Лейтон и Джей ушли в Интернет, Энди смотрит в окно, изредка отвлекаясь на телефон, у меня на коленях книга, которую подарил мне один из фанатов. Мне нравится, я уже поблагодарил его за подарок в твиттере.

Если кратко, книга о том, как американская звезда модельного бизнеса отправляется в Европу, где встречает одного парня, бывшую модель, который ныне является членом террористической группировки. Он вербует главного героя к себе, и вместе они пытаются людей в подвале своего шикарного дома и подкладывают бомбы в многолюдных местах. И он говорит ему, что не стоит бояться быть пойманными, ведь никто никогда не заподозрит знаменитость.

Вот оно как. Никто никогда не заподозрит знаменитость.

– Дил, ты готов к интервью? – спрашивает Дуглас.

– Какому интервью?

– У тебя сегодня интервью по поводу выхода концертного DVD.

– Ну, ты ведь знаешь, я принимаю клонопин, а он вызывает кратковременные провалы в памяти, – пытаюсь пошутить я, цитируя героя этой самой книги.

– Ты уж разберись со своей памятью и, ради всего святого, подготовься к интервью, – ворчит менеджер.

На остановке между городами к нам присоединяется девушка, местный организатор, представляется, приветствует музыкантов, смотрит на Дугласа.

– Дуг, менеджер, – протягивает он руку, косится на меня и прибавляет. – Но иногда исполняю роль няньки.

Девушка садится, вынимает из сумки какие-то бумаги, распечатанные на черновиках, изучает их. Я возвращаюсь к чтению.

Очень хорошо помню наше первое шоу. Мы играли в каком-то маленьком клубе, на концерте-сборной солянке, где, кроме нас, выступали ещё несколько групп перед аудиторией в тридцать человек.

Наблюдая, как публика без энтузиазма принимает другие коллективы, я очень волновался, но вида не подавал. Сложно играть без поддержки зрителей, хотя сравнивать было не с чем.

Мы не пили перед выходом на сцену, боясь облажаться. И с тех пор это стало доброй традицией – ни капли, пока не выполним свою работу на отлично.

Наш кейтеринг-райдер включает в себя много наименований спиртного, но до выступления мы к ним не прикасаемся. Джей обычно берет с собой на сцену пару бутылок пива, и это его потолок. Остальное мы употребляем после.

Однажды мы играли с нашими хорошими друзьями, канадской группой, с музыкантами которой познакомились на одном из фестивалей. Они пили как в России. Мы во все глаза смотрели, как эти ребята вливают в себя водку стакан за стаканом, а потом запивают это виски с колой.

– Как вы собираетесь играть в таком состоянии? – не выдержал я.

– С закрытыми глазами! – ответил их гитарист, опустошил очередной стакан и с расстояния в несколько метров отправил его чётко в мусорный бак.

– Что такое, Дил? – поинтересовался их вокалист, перехватив мой пораженный взгляд. – Удивляешься, как он попал? Я говорю тебе, выпей с нами, и ты станешь видеть яснее.

Тут он споткнулся о лежавший на полу шнур и, чтобы удержаться на ногах, вынужден был схватиться за моё плечо.

Я до сих пор не могу объяснить, что именно почувствовал в тот момент. Больше всего это было похоже на жалость, граничащую с отвращением. Но почему? С каких пор я стал таким пуританином?

– По стаканчику, Дил? – его лицо было в нескольких сантиметрах от моего, глаза блестели.

– Нет, Бен, спасибо, – я постарался помочь ему принять вертикальное положение, борясь со странными мыслями, внезапно посетившими меня. – После шоу.

Они отправились на сцену, и я вышел посмотреть, как они отыграют свой сет в таком состоянии.

К моему вящему удивлению, Бен, который несколько минут назад почти безжизненно висел на моём плече, сейчас волчком вертелся по сцене. Он был словно вихрь, движения его были так точны, а вокал так чист, что я, да и никто в зале, ни за что не подумал бы, что этот парень мертвецки пьян.

Внезапно мне стало грустно. Я, перед каждым концертом, делал в гримёрке растяжки, пил яичный коктейль и отвар из корня имбиря для голоса. А Бен в это время нажирался до чёртиков, а потом выходил на сцену и, в пьяном виде, отрабатывал так, как не мог я на трезвую голову. И по нему было видно, что его не интересует ни происходящее в зале, ни вокруг него. Человек был полностью увлечен процессом.

На одном из кейсов, стоявших у сцены, Бен оставил полупустую бутылку водки. Я повертел её в руках. Понюхал. И решил – а к чёрту всё! В несколько глотков опустошив сосуд, я вернулся в гримёрку и начал готовиться к шоу: надел кожаные штаны, подкрасил глаза, переобулся.

В гримёрку вошел Энди. Я протянул ему баллончик лака для волос. Басист прекрасно знал, что с ним делать. Он взъерошил мне волосы и начал аккуратно фиксировать колючки.

– Интимный процесс, не находишь? – Энди улыбается.

Я подмигиваю ему в зеркало.

– Готово, – через несколько минут заявляет он.

Я доволен результатом, благодарю его, и мы вместе идем досматривать выступление наших друзей. Полбутылки водки, которую я залпом осушил, дают о себе знать. Я восхищаюсь Беном.

Публика ликует, стробоскопы ослепляют, в клубе душно, но это только придает шоу остроты. А я восхищаюсь Беном.

Подходит Дуглас:

– Готовы?

Мы киваем, и он исчезает в гримёрках. Я уже говорил, что восхищаюсь Беном?

Чувствую, что пьян. Поднимаюсь по ступенькам на сцену, менеджер светит мне под ноги фонариком. В ушах шумит, и я не понимаю, то ли это от спиртного, то ли толпа гудит, словно рой пчел.

Как только я появляюсь в свете прожекторов, зал взрывается криком. Приветствую зрителей, эффектным движением откидываю волосы со лба, Джей за моей спиной начинает выстукивать ритм, ребята вступают с гитарами, я начинаю петь. Сотни голосов в зале подхватывают слова. Перед припевом я замолкаю, ибо рот, после выпитого, начал неправильно наполняться слюной, сплевываю, а толпа продолжает петь. Обожаю это чувство. Они знают каждое слово, которое написал я.

И тут у меня словно открывается второе дыхание. Я начинаю видеть яснее. Воздух, несмотря на дымовые пушки, кажется кристально чистым. Таким чистым, что я отчётливо могу разглядеть каждое лицо в толпе. Я хочу слышать, как они поют, выдергиваю ушной мони-

торинг и меня словно отбрасывает назад звуковой волной, исходящей из зала. Вихрем несусь по сцене, задеваю гриф гитары Энди, он сбивается, звук неприятный, но никто не обращает на него внимания. Мы продолжаем.

Когда я ухожу со сцены, с меня ручьями льется пот. Макияж размазан, тонкая футболка прилипла к телу. Но Дуглас не ждёт у гримёрок, чтобы подать мне полотенце. Я слышу, как он ругается с кем-то в соседней комнате. Кажется, весь алкоголь вышел вместе с потом через поры, я снова свеж и готов выпить всё то, что приготовлено на «послеконцерта».

– Дил, ты в порядке? – внезапно спрашивает меня Майк.

– В полном, – отвечаю я. – А что?

– Ты выглядишь каким-то... – гитарист подбирает слова. – Потерянным.

С чего он сделал такие выводы? Я чувствовал себя превосходно. И лишь взглянув в зеркало, я понял, почему он спрашивал. Я выглядел старше лет на десять. Или это просто из-за размазанной косметики так кажется? Да и какая к чёрту разница, если мне было хорошо?

Вот так я впервые вышел на сцену в нетрезвом виде. Странно, и жаль, что это произошло так поздно, ведь я, как и говорил Бен, действительно стал видеть яснее.

Впоследствии выпить бутылку чего-нибудь крепкого перед выходом на сцену стало для меня нормальной практикой. Коллегам по группе это не нравилось, но что мне до их мнения, когда концерты стали намного зрелищнее? Я делаю всё ради того, чтобы зрители были довольны.

– Дил! – уже в третий раз зовёт меня Дуглас. – Очнись, чёрт возьми!

Я поднимаю глаза от книги. Эта мрачная история полностью затянула меня. Подумываю о том, чтобы попробовать себя в роли режиссёра и экранизировать её.

– Дуглас, – подходит к нему организатор, я забыл её имя. Марла? Майра? – Вся группа поедет на интервью или нет?

– Нет, только Дил, Лейтон и Майк. Остальные поедут на саунд-чек.

Видимо, этот состав её устраивает, и она начинает звонить какому-то Риду, очевидно, журналисту.

– Как её зовут? – наклоняюсь я к менеджеру.

– Мэнди. И приведи себя в порядок, вас будут снимать.

Недоуменно оглядываю себя: а что со мной не в порядке? Ну да, джинсы немного грязные, это потому что я опустился на одно колено, чтобы завязать шнурки, и лак для волос следовало смыть ещё вчера, но у меня не было возможности.

Мы выходим на остановке перед радиостанцией, а вэн едет дальше. Через час он должен вернуться. Мне как-то неуютно от того, что с нами осталась только эта Мэнди, а Дуг уехал.

– Рид, – щебечет она в трубку. – Мы на месте, выходи, встречай нас.

Через минуту в дверях появляется Рид, высокий молодой человек, который, похоже, давно откладывал поход в парикмахерскую, но при этом растрепанные волосы которого всё равно смотрелись потрясающе. Я невольно дотронулся до своих.

Нас провожают на второй этаж в радиорубку, Мэнди увлеченно что-то рассказывает Риду, а тот смотрит на неё своими пустыми глазами. Девчонка, похоже, влюблена в него. Я вздыхаю, ещё одно несовершенство мира. Мы все влюбляемся не в тех людей. Всегда.

Диджей объясняет на каком расстоянии держать микрофон от лица, чтобы было лучше всего слышно, Рид настраивает фотокамеру, делает несколько пробных снимков.

– Что, солнце слепит? – с улыбкой интересуется Майк, кивая на мои темные очки.

Я не отвечаю. В рубку протискивается Мэнди под предлогом «послушать интервью», сама же просто хочет посмотреть на Рида. Почему-то ощущаю укол недовольства, вокруг неё сидят рок-звезды, а она сохнет – или наоборот мокнет – по этому провинциалу.

Включают запись, диджей произносит стандартные приветствия, просит нас поздороваться со слушателями и задаёт первый вопрос:

– Вы снимаете материал на всех выступлениях тура, вместо того, чтобы работать с каким-то одним шоу. Кому пришла в голову идея сделать концертный DVD именно таким образом?

– Идея общая, – отвечает Лейтон. – Разные города, разные площадки, разная атмосфера. Здорово будет объединить это всё под одной обложкой.

– Влияет ли то, что вы находитесь под объективом камер на то, насколько вы выкладываетесь на сцене?

– Нет! – возмущённо восклицаю я.

Все поворачивают головы ко мне. Даже Мэнди отрывает свой взгляд от Рида.

– Мы всегда стараемся одинаково, независимо от того, смотрит на нас камера или нет, – поясняю.

И Майк добавляет:

– К тому же, это давно неактуальный вопрос. На каждом концерте на нас смотрят десятки камер на смартфонах и планшетах наших поклонников. Потом эти видео улетают на Ютуб, и лажать просто непозволительно.

– А было ли такое, что вы действительно лажали на концертах? Расскажите.

– Было, – Лейтон улыбается. – Как-то Дил начал петь раньше, чем следовало, и это поняли все, кроме него. Нас тогда это немало повеселило.

Я злобно смотрю на гитариста через стол. Тогда это действительно казалось забавным, и я смеялся вместе со всеми. Но сейчас, когда мне кажется, что всё вокруг потеряло смысл, что поклонники теряют к нам интерес, что другие коллективы наступают нам на пятки, напоминание Лейтона об этом дне выглядит попыткой унижить меня. Попыткой, которая удалась.

– Никто от такого не застрахован, – внимательно глядя на меня, говорит Майк. – Мы же не роботы.

Диджей соглашается, дальнейшая их беседа слышится мне одним сплошным гулом, не имеющим смысла. Они обсуждают наш будущий альбом, новые веяния музыкальной индустрии, пиратство. Я упорно молчу, хотя вижу, что и ведущий, и Рид, и Мэнди, которую я почему-то все время хочу назвать Марлой, ждут ответа именно от меня. Наконец, первый не выдерживает:

– Дилан, каково вернуться в студию спустя пять лет? Вы ведь ничего не записывали с момента выхода вашего последнего альбома?

– Совершенно верно. За пять лет у нас накопилось достаточное количество материала, из которого мы выбрали самые лучшие треки, которые и войдут в альбом.

– Children of Pestilence известны тем, что никогда не изменяют себе. Будете ли вы придерживаться своего традиционного звучания на новом альбоме, несмотря на то, что в моде нынче пост-хардкор?

– Наши поклонники ждут от нас определённых вещей, и было бы неправильно менять звучание, следуя веяниям моды.

– К тому же, мы просто не умеем играть пост-хардкор, – пытается пошутить Майк.

Лейтон нервно хихикает, я говорю:

– Но это не значит, что мы застряли на каком-то определенном этапе и не двигаемся дальше. Мы постоянно экспериментируем со звуком, придумываем что-то новое, но при этом для наших фанатов мы всё те же Children of Pestilence, которых они полюбили когда-то. К нашим поклонникам примыкают новые, и они узнают нас такими, какие мы есть, а слушая старые записи – открывают для себя наше прошлое.

– Какое настроение будет преобладать на новой пластинке? – спрашивает диджей.

– Работа над альбомом это всегда что-то глубоко личное, – мне кажется, что я говорю клише. – За пять лет группа пережила многое, и сложно будет подогнать это под одну концеп-

цию, но мы постараемся. Мы до сих пор едины, и в этот альбом, как и в предыдущие работы, каждый вложит частичку себя.

Диджей благодарит нас за интервью, Рид снова начинает щёлкать фотоаппаратом, Мэнди напоминает о том, что мы должны записать айдишку (короткое приветствие артиста на радио, где он объявляет название своей группы и название радиостанции – прим. автора). Пока я без особого энтузиазма бормочу в микрофон то, что мне говорят, она прощается с ребятами с радио.

Мы выходим на улицу, в лицо ударяет горячий воздух, вэн уже ждет нас, Мэнди всё никак не может отлипнуть от Рида. Все забираются в машину, я смотрю на проносящиеся за окном дома и магазины, и думаю о том, что сказал диджей. Children of Pestilence не изменяют себе. Никогда.

Глава 6

Помню, как обнаружил у себя первый седой волос. Это было в прошлом туре. Я стоял перед зеркалом, уже полностью готовый выйти на сцену, и тут я увидел его.

Осторожно раздвинув остальные волосы, я наклонился к зеркалу так, что едва не ткнулся носом в стекло. Нет, это не остатки стайлинга, это именно седой волос.

– Ты что делаешь? – в гримёрку входит Лейтон.

Я смотрю на него полными ужаса глазами:

– У меня седой волос.

– Пора бы уж, – пожимает плечами он. – Тебе тридцать три года, Дилан. Это нормально. Нет, это ненормально.

– Некоторые седеют и раньше, – замечает гитарист. – У меня тоже есть седые волосы.

Лейтон блондин, и у него они совершенно незаметны. Мне никогда не нравились светлые волосы, но сейчас я готов отдать все, чтобы стать блондином. Альбиносом с красными глазами.

– Дил, на сцену пора.

Но я словно остоленел. Сейчас седые волосы, а дальше – что? Морщины? Пивной живот? Импотенция? Смерть?

В эту минуту я подумал, а зачем вообще живу на этом свете? Что оставлю после себя потомкам? Будет ли моя музыка что-то значить через тридцать лет? Будут ли Children of Pestilence всё ещё существовать? В каком составе? Зал славы рок-н-ролла или первые полосы жёлтых газет – что наше? Какими нас запомнят поклонники?

На пороге появляются Дуглас и Джей.

– Дилан, хватил любоваться собой, у нас время! – говорит первый.

– У него седой волос, – оглядывается на них Лейтон.

– У него дисморфофобия, – вздыхает Джей.

Втроём они выводят меня на сцену, я пою на полнейшем автомате, мало двигаюсь. Наверное, выгляжу вялым, но мне всё равно. Я хочу спрятаться от всех, укрыться и подумать.

После концерта я снова стою в гримёрке перед зеркалом, пытаюсь найти этот злополучный волос, входит Лейтон, кладет руку мне на плечо.

– Ты изменишь мир, Дилан, – говорит он. – Я верю в тебя.

Я смотрю в его глаза и понимаю, что он говорит искренне. Он тоже устал после концерта, но он нашел в себе силы прийти ко мне и сказать это. Я всё смотрю на него, а он не убирает руку с моего плеча.

Почему-то я чувствую себя так, словно готов расплакаться. Будто смотрю на себя со стороны и вижу, как Дилан Бладлесс медленно опускается на колени, потому что стоять он больше не в силах, и просто рыдает у ног своего гитариста. Вот так выглядит всё моё существо. Но все привыкли к тому, что Дилан сильный, я не могу позволить себе обмануть их, поэтому просто улыбаюсь и говорю Лейтону:

– Спасибо.

Он ласково треплет меня по плечу и уходит. Но даже наедине с собой я не могу сделать то, чего требует моё нутро. «Дилан сильный, Дилан сильный» – повторяю я, глядя на своё отражение.

Я просыпаюсь, смотрю на часы. Ещё рано. На соседней кровати спит Лейтон. Глядя на него, я понимаю, что означает выражение «спит, как ангел». Его светлые волосы разметались по подушке, грудь медленно поднимается и опускается при дыхании, а на лице написано такое умиротворение, какое может быть у человека только во сне. Несколько минут смотрю, как он спит, и тихо иду в душ, продолжая размышлять, как этот человек и остальные ребята

из банды стали мне самой настоящей семьей. Я безумно люблю их, знаю каждого вдоль и поперек и не могу представить группу без кого-либо из них.

Энди – лучший басист, с которым мне доводилось работать. Неисправимый перфекционист, с постоянной жадой к самосовершенствованию.

На сцене он великолепный профессионал, в жизни – хороший друг, с которым можно посидеть за кружечкой пива и поговорить на любые темы. Энди терпелив и отзывчив, и всегда приходит на помощь, когда она нужна.

Лейтон и Майк – я не могу говорить о них по отдельности – потрясающая пара гитаристов. На сцене они – одно целое. Их игра завораживает. Я так и не овладел ни одним музыкальным инструментом, поэтому, признаться честно, немного им завидую. По-белому, по-доброму. И восхищаюсь ими. Мне кажется они и внешне чем-то похожи: у обоих большие выразительные глаза, почти одинаковые причёски, одеваются они в одном и том же магазине. Иногда я даже не могу вспомнить, кто из них появился в моей жизни первым, помню только, что эти ребята дружили задолго до того, как познакомились со мной, а потом приняли меня в свою компанию. Я безумно благодарен им за это, и за ту поддержку, которую они оказывали мне на протяжении всей нашей карьеры и продолжают оказывать сейчас.

Джей – наша зажигалка. На сцене и в жизни. Он барабанщик, перкуссионист и шоумен. У него все задатки фронтмена, даже голос хороший. Он – душа компании, постоянно шутит, пытается поднять всем настроение. Вместе с этим, когда необходимо, он собран и серьезен. В критической ситуации он быстро соображает и может побыть лидером, когда я сбив с толку.

Я не мог желать группы лучшей, чем у меня есть. Ума не приложу, как эти люди терпят меня: эгоистичного, упертого, взбалмашного типа. «Я плох даже в том, что делаю лучше всего, наша тесная компания будет жить вечно», – пел бессмертный Курт Кобейн.

Обернувшись полотенцем, выхожу из душа. Лейтон уже проснулся, сидит на кровати, переключает телевизионные каналы. В новостях сюжет о нашем вчерашнем концерте, он останавливается.

– Выключи, – говорю.

– Почему? Интересно же.

– Выключи, Лейтон, ради всего святого!

Он пожимает плечами, переключает снова. Футбол, реалити-шоу, видеоклипы, находит мультфильм, останавливается.

Я одеваюсь, и мы идем завтракать. Все ребята уже в ресторане, у них полные тарелки картофеля-фри и невнятного вида котлет, и все смотрят в планшет в руках Джея.

– Идите сюда! – машет нам Энди. – Мы тут нашли кое-что интересное!

Я смотрю в экран. Любительская съемка на очень старую камеру. В кадре появляется Гитлер, смеётся:

– Зачем ты снимаешь старика? – говорит. – Это я должен снимать тебя!

Сверху подпись «Фюрер флиртует с Евой Браун».

– И что? – спрашивает Лейтон.

– Мы начали дискутировать, – Майк отправляет в рот несколько ломтиков картошки. – Люди ведь не знали его с этой стороны. Все привыкли к тому, что он злодей, а здесь мы видим, что и злодею ничто человеческое не чуждо.

– А был ли он злодеем? – Джей откладывает планшет и тоже принимается за картошку. – Ну, если посмотреть глубже, он верил, что то, что он делал, было на пользу Германии и немцам.

– Вот только не надо его идеализировать, – говорит Энди. – Убийца сотен людей, садист и псих – вот он кто.

Я иду к мармитам положить и себе картошки. Слушать их интеллектуальный спор у меня нет никакого желания. Когда я возвращаюсь, Майк наставительно произносит:

– Каждый злодей думает, что он герой.

И Джей добавляет:

– Как писал Дик Фрэнсис: «Люди иногда творят страшные вещи с добрыми намерениями».

Я делаю глоток кофе, ковыряю вилкой котлету. Выглядит она совсем не аппетитно.

– Дил, ты последние несколько дней совсем ничего не ешь, – обеспокоенно замечает Дуглас. – Всё нормально?

– Не переживай, Дуг. Я уже большой мальчик, всё в порядке.

– Ешь, – улыбается Лейтон. – У нас ещё весь тур впереди.

Позавтракав, мы ещё немного сидим в ресторане, потом идем собираться. Скоро должна приехать Мэнди и сопровождать нас в аэропорт.

Там очереди, люди с чемоданами толпятся у регистрационных стоек, меня всё это ужасно нервирует. Майк не может найти паспорт, Мэнди переписывается с кем-то по телефону и улыбается. Наверное, с Ридом. Я в шляпе и тёмных очках, без которых привлекал бы к себе гораздо меньше внимания. Наконец, Майк находит паспорт, отдает менеджеру. Мы становимся в бесконечную очередь, я проверяю твиттер.

Последний твит, который я написал, был «Нэшвилл, жди нас!», и среди бесполезных реплаев, меня привлёк ответ человека, который предлагал увидеться с ним и поговорить. По его профилю я понял, что это не обычный фанат альтернативной музыки, какие мне обычно пишут. Я заинтересовался, зафоловил его и отправил личное сообщение.

– Я вам устрою! – кричит в трубку Дуглас. – Мы будем в Нэшвилле через несколько часов, я с вас сдеру такую неустойку, что её не покроет никакая прибыль с продаж билетов!

– Что случилось? – спрашивает Джей.

– Чтобы улучшить продажи билетов на концерт, эти идиоты пустили слух, что Дилан умер, а потом сами же опровергли его.

Мы все удивлённо смотрим на менеджера.

– Придурки ненормальные, – себе под нос бормочет Майк.

Я возвращаюсь к чтению твиттера, Дуглас продолжает ругаться, очередь еле двигается.

Очень часто мне хочется просто поехать домой. Но не в свой шикарный коттедж в Лос-Анджелесе с бассейном и джакузи во дворе. А домой. Туда, где я вырос.

Сейчас мы редко вспоминаем об этом, но все мы родились и провели детство в маленьком городке Стимбот-Спрингс, штат Колорадо. Город ничем не приметен, кроме того, что является крупнейшим горнолыжным курортом США. Кроме лыж и сноуборда там больше нечего делать, поэтому, будучи детьми, мы просто бесцельно шатались по улицам, играли в мяч, когда выросли – пытались клеить девушек. Потом – собирались у кого-нибудь в гараже и сочиняли музыку. Этому городку я обязан всем, что имею. Именно там Children of Pestilence стали теми, кем стали. И музыка наша именно там обрела свой стиль. Резкий, как горный ветер Стимбот-Спрингс. Кто знает, будь мы родом из Калифорнии, возможно, играли бы панк-рок.

Среди знаменитостей, которые родились в нашем городе, в основном, горнолыжники и сноубордисты, и лишь с недавних пор, открывая страницу Стимбот-Спрингс в Википедии, можно увидеть в списке рок-группу Children of Pestilence. Не сразу нас признали и вписали туда. Но упоминание в Википедии – ничто по сравнению с той честью, которую наш город недавно оказал нам.

Во время реставрации одного из старейших зданий Стимбот-Спрингс, на торец его были нанесены два куплета нашей песни, которая вышла ещё в 2010 году и была посвящена этому городу. Такому, каким его знают только его жители.

Безумная гордость сменилась разочарованием, когда я начал думать, что мы не заслужили подобной чести. Но ребята были счастливы, и я благоразумно помалкивал. Хотя, мы единственная известная группа из Стимбот-Спрингс, и неудивительно, что город гордится

нами. Но кто мы, чтобы увековечивать наше творчество подобным образом? Со временем мне стало казаться, что и песня эта никуда не годится.

Вот поэтому я и хочу поехать домой, проникнуться духом родных мест, понять, кто я и куда я иду. Остаться ли мне на этой дороге или сменить курс. Никто не даст мне ответы на эти вопросы кроме меня самого.

Глава 7

Первая половина тура подходит к концу. Мы выдаем несколько мощнейших шоу перед перерывом, в течение которого вернёмся в Калифорнию и начнём работать над новым альбомом.

График очень плотный. Студийные павильоны для Children of Pestilence арендованы на определенное время и, что самое прискорбное, нам задан строгий норматив того, что мы должны записать, прежде чем снова отправимся в дорогу. Мы проехали всю Америку. Дальше нас ждёт Европа.

Я подхожу к своему коттеджу, волоча за собой чемодан, едва выдержавший наше путешествие. Надо будет попросить Дугласа купить мне новый.

В окнах горит свет. Значит, мистер Саттер, человек, которого я нанял смотреть за домом, ещё здесь. Не хочется разговаривать ни с ним, ни с кем-либо другим, но придётся, как минимум, поблагодарить за работу и пообещать перечислить ему деньги.

– Дилан, – машет мне мужчина. – С возвращением!

Я показываю ему поднятый вверх большой палец – это всё, на что у меня хватает сил, несмотря на мои намерения поздороваться, и плетусь наверх.

Из глубины дома, стуча лапами по паркету, несётся мой пёс Дональд. Выглядит он просто огромным и шум производит внушительный. Когда он подбегает ко мне и становится на задние лапы, передние достают мне до груди, и это учитывая то, что во мне ни много ни мало, шесть футов.

– Дональд, старина, – треплю его за загривок. – Я соскучился по тебе.

Пес лижет мне руки и норовит повалить на пол.

Я взял его из приюта восемь лет назад, когда купил этот коттедж. Просто не хотел жить один. Я и подумать не мог, что маленький щенок вымахает до таких размеров и превратится в огромного косматого пса, которого я с трудом удерживаю на поводке. Но его нынешний облик мне нравится.

Дональдом я назвал его в честь моего бессменного кумира. Да, мало кто знает, что полное имя лидера Nirvana – Курт Дональд Кобейн. Некоторые журналисты до сих пор считают, что своим именем мой пёс обязан Дональду Даку.

Наигравшись с ним, иду в ванную. Наполняю ванну до краев, добавляю пены и соли, раздеваюсь и медленно погружаюсь в горячую воду, надеясь, что это поможет мне расслабиться. Несколько минут лежу, закрыв глаза. В голове вертятся мои собственные песни. Полностью погружаюсь под воду. Наверное, мои волосы сейчас очень красиво выглядят, как у русалок. Может, стоит сделать подводный фотосет, как был у Курта? На какую-то секунду ловлю себя на мысли, что хочу остаться в таком положении, а потом вдохнуть, набрав полные лёгкие мыльной воды, и избавить мир от никчемного себя. Это нормально. Ведь, как писал Стивен Кинг: «Каждый, кто смотрит вниз с края крыши высокого здания, чувствует хотя бы слабое болезненное желание прыгнуть вниз». Это свойственно человеческой природе. Представляю заголовки блогов: «Дилан Бладлесс найден мертвым в собственной ванной», «Известный рок-музыкант покончил с собой».

Недоброжелатели, коих у меня немало, начнут говорить, будто я уснул пьяным в ванной или передознулся. Моя семья этого не потерпит, и моё тело отправят на экспертизу, после которой все благополучно заткнутся. Я чист уже несколько дней!

А что будет с моей группой? Забудут её или будут помнить ещё долгие годы? А меня будут помнить? А что сделают парни? Разбредутся по сольным проектам или найдут нового вокалиста?

Выныриваю. Мысль об этом мне невыносима. Знаю, что ребята так никогда не поступят. И Children of Pestilence, как Nirvana, просто прекратят своё существование.

Вылезаю из ванны, оборачиваюсь полотенцем и, оставляя мокрые следы на полу, иду в спальню.

В панорамное окно наблюдаю, как сумерки ложатся на Лос-Анджелес. Надеюсь, мне удастся быстро заснуть.

Будильник звонит в семь утра. Я выключаю его, переворачиваюсь на другой бок, но через десять минут он звонит снова. Нехотя вылезаю из кровати, иду в душ. Можно подумать, за ночь я успел испачкаться.

Готовлю себе завтрак: яйца и блинчики с джемом, выпиваю чашку кофе и иду в гараж. На улице, несмотря на раннее утро, уже душно.

Мой чёрный Астон Мартин ожидает меня, накрытый брезентом. Я поднимаю роллет, расчехляю машину и выезжаю на шоссе. За рулём такого авто я чувствую себя настоящей рок-звездой, поэтому позволяю себе выжать полный газ на пустынных в такое время дорогах.

Лос-Анджелес будет спать до обеда, а Children of Pestilence в студии будут трудиться над новым альбомом.

Под песню AC/DC, кричащую из динамиков, я заезжаю на стоянку, паркуюсь, поднимаюсь в павильон.

Вся группа уже в сборе: Джей разминается, Марк протирает струны, Лейтон пьет кофе, Энди просматривает сводку новостей в Фейсбуке.

– Готов? – спрашивает он.

Я киваю, бросаю в миксер немного нарезанного имбиря, разбиваю яйцо, выливаю туда содержимое. Думаю, я достаточно распелся, подпевая Брайану Джонсону в машине, поэтому вполне готов приступить к работе.

Обычно мне нравится процесс записи вокала, но сейчас, когда наши сроки сжаты, когда звукорежиссёр и продюсер нервничают за пультом, постоянно поглядывая на часы, меня все дико раздражает.

В помещении, кажется, стоит дикая жара, я включаю кондиционер и тут же замерзаю.

– Чёрт! – я стаскиваю с головы наушники. – Что происходит с климат-контролем?

– Что происходит с твоей терморегуляцией? – из другого конца комнаты парирует Майк.

– С моей терморегуляцией всё в порядке! – вытираю вспотевшие ладони о джинсы.

– Может, вы перестанете трепать языками и займётесь делом? – сердится Джей.

Возвращаемся к работе, я выключаю кондиционер. Снова становится жарко. Я много пью. Дневной норматив не выполнен.

День второй. Семь утра. Я невыспавшийся ползу в ванную. На завтрак хлопья с йогуртом и чашка эспрессо.

Открываю свой гардероб. Чтобы себя хорошо чувствовать, я должен хорошо выглядеть. Выбираю чёрные джинсы-скинни, темно-бардовую рубашку с коротким рукавом, которую застегиваю на все пуговицы, кожаный ремень и лёгкие летние туфли. Подумав пару минут, беру с полки шляпу. Вот, теперь то, что нужно. Делаю селфи, несколько минут провожу в сомнениях, подбирая нужный фильтр, выкладываю в Инстаграм, с удовлетворением наблюдаю, как под фотографией растёт количество лайков.

Астон Мартин стоит на подъездной площадке. Сажусь за руль, случайно включаю радио вместо стереосистемы. В эфире наша песня. Самодовольно ухмыляюсь и, подпевая самому себе, выжимаю полный газ.

– Привет, чуваки, – улыбаюсь я, входя в павильон.

– Чуваки? – переспрашивает Джей.

– Да, – я складываю пальцы пистолетом и делаю вид, что прицеливаюсь в него. – Чуваки. Барабанщик улыбается в ответ и берёт палочки, а Лейтон и Майк как-то странно переглядываются. Но у меня слишком хорошее настроение, чтобы размышлять, что означают их взгляды.

Надеваю наушники, Звукорежиссёр из-за стекла показывает мне поднятый вверх большой палец, я отвечаю тем же. Запускается минус, начинаю петь. Я сегодня в голосе, температура в помещении идеальная, освещение – тоже. Это важно. Для настроения.

Вижу ребят. Они, кажется, переговариваются, одобрительно кивая в мою сторону. Я невольно начинаю двигаться под музыку.

– Дыхание собьёшь, – предупреждает продюсер.

– Не волнуйся, чувак! – ору я в микрофон (позже это войдёт в один из семплов), продолжая танцевать.

Музыканты улыбаются. Я чувствую себя отлично, атмосфера в студии прекрасная. Именно в таких условиях Children of Pestilence обычно работают, это именно то, чего нам не хватало.

Мы нагоняем то, что не успели записать вчера, обсуждаем планы на следующий день и довольные собой разъезжаемся по домам.

День третий. Насколько вчера моё настроение было хорошим, настолько оно плохое сегодня.

Мне снилось, что я отшельник. И это был мой сознательный выбор, я отказался от всего, что дала мне жизнь: друзей, группы, Интернета, мобильной связи, вкусной еды, семьи, машины, дома. Я видел себя в горах, в полном одиночестве, и я наслаждался этим. Отрешился от мира, чтобы вернуться к своему изначальному «Я», занимался медитациями и другими духовными практиками. И чувствовал, что у меня снова твердая почва под ногами. Ко мне возвращались сила и решительность.

Просыпаюсь от того, что Дональд стаскивает с меня одеяло. Гоню его прочь. Лежу некоторое время, пялясь в панорамное окно на рассвет, понимаю, что уже не усну, вылезая из кровати и идя в ванную.

Долго верчу краны, пытаюсь настроить нужную температуру воды, не получается. Я не придумал, что сегодня надену, поэтому трачу кучу времени на созерцание своего гардероба и выбор подходящей одежды. В конце концов останавливаюсь на белой футболке, вчерашних джинсах-скинни и высоких кроссовках. Чего-то не хватает. Надеваю на шею медальон. Теперь нормально. Зачесываю челку набок, спускаюсь во двор, понимаю, что оставил ключи от машины в доме, ругаюсь сквозь зубы, возвращаюсь за ключами.

За рулём музыку не слушаю. Сегодняшний сон так взбудоражил меня, что я, кажется, не способен думать ни о чём другом.

Я общался с некоторыми людьми в Интернете, и немного разбираюсь в толковании сновидений. Видеть себя отшельником означает, что меня ждёт некое запутанное дело. Также это может предвещать ухудшение финансового положения и тяжелую депрессию. Но по прошествии времени я должен подняться, вернуть финансовую стабильность и уверенно идти по жизни. Совсем, как в наших песнях. Как феникс из пепла.

После этого сна я многое переосмыслил. Я понял, что я не такой, как все, что мне предназначено нечто большее, чем просто петь песни. Именно я стану тем, кто изменит этот мир, кто покажет всем, как на самом деле нужно жить. И не выкрикиванием лозунгов со сцены я добьюсь этого. Для большой цели – большие средства.

Группа и технический персонал студии уже ждут меня. Входя в павильон последним, я чувствую небольшое, но все же удовлетворение от осознания того, что, пока я не приду, работа не начнется, механизм не запустится.

- Здарова, чувак! – пытается передразнить моё вчерашнее приветствие Майк.
- Йо, камон, как дела? – вторит ему Джей.

Они опять смеются надо мной. Я думал рассказать им о своём сегодняшнем сне, но теперь не стану. Они не поймут меня. Я уже начинаю сомневаться, а понимали ли они когда-нибудь вообще?

Подхожу к миксеру и обнаруживаю, что у нас закончился имбирь. Несколько минут стою, соображая, что делать.

- Чувак, ты чего там завис? – сквозь смех спрашивает Энди.
- Ничего, – отвечаю я и иду к микрофону.

У меня нет проблем с голосом, и без стимуляторов, пусть и естественных, я смогу обойтись. Но имбирь нужно будет купить.

Сегодня всё и все меня раздражают. Тщетность бытия ощущается как никогда, и петь о том, что даже опустившись в самую тёмную пропасть своей жизни, люди способны выйти на солнечный свет и доказать судьбе, что достойны лучшей участи, чем нынешняя, несказанно глупо.

Чёрта с два! Люди способны только жалеть себя, что они и делают!

- Эти песни никуда не годятся, – снимаю наушники.
- В чём дело, Дил? – спрашивает Лейтон.

Как ему объяснить?

- Слышал выражение «убейся позитивом»?

Гитарист кивает.

– Вот это про нашу музыку. Дружба, взаимовыручка, надежда? Один за всех и все за одного? Ну конечно! Стоит тебе очернить себя, и все «друзья» от тебя отвернутся! Надеяться можно только на себя. Взгляни вокруг: люди помешались на деньгах, они предают и убивают из-за денег. Американская мечта? Голливуд? Кинозвёзды днём отправляются на пробежку по пляжу и улыбаются папарацци, а вечером нюхают кокаин в туалетных кабинках, двенадцатилетние девочки продают себя за дозу...

- Тогда, может рэп начнёшь читать, – предлагает Джей. – У тебя уже неплохо получается.

Майк начинает битбоксить, а барабанщик укладывает мои слова на простой ритм, выдавая нехитрый речитатив, чем вызывает улыбки на лицах окружающих. Опять они смеются надо мной, но меня уже несёт дальше:

– Кругом ложь, супруги изменяют друг другу, красивые молодые девушки выходят замуж за богатых стариков, и ждут, пока те сыграют в ящик, а мы, как кучка идиотов с гитарами, поём о светлом будущем! В таком случае мы либо дураки, либо лицемеры.

- Дилан, но ты же сам их написал, – напоминает Энди.
- Написал. Потому что раньше я верил в это, но не теперь.
- Что же изменилось?
- Я.

В студии повисло молчание, которое я назвал бы гробовым. Нарушить его не решаются даже наш продюсер со звукорежиссёром, которым совершенно наплевать на всё, кроме их графика.

- Дилан, – сказал, наконец, второй. – Других песен у вас нет. И дедлайн близится.
- Поэтому сейчас ты должен взять себя в руки, – пришёл к нему на помощь Лейтон. – И спеть то, что мы имеем.
- Вынужден, – я снова надеваю наушники. – Вынужден, но не должен.

День четвёртый. Я опоздал. Зачитался одной интересной статьёй за завтраком и приехал позже на двадцать минут.

– Дилан, мы уже поняли, что работа над новым материалом тебе в тягость, но давай мы всё-таки закончим её в срок, пока лейбл не впаял нам штраф, – вместо приветствия говорит мне Джей. – А потом можешь написать рэп, о том, как плохо тебе живется в трущобах, в которые превратилась наша страна, и исполнять его. Но уже с другими музыкантами.

– Парни, да я просто засиделся в Интернете!

– Вот в этом твоя проблема, Дил, – Майк, не глядя на меня, настраивает гитару. – Ты стал очень много времени проводить в Интернете.

– Да я прочёл всего одну статью!

– Нет, Дилан, – решает подлить масла в огонь Энди. – Ты действительно очень много времени проводишь в сети.

Я даже не нахожу, что ответить. Они говорят так, будто это плохо! Да, чёрт возьми, им придётся смириться с тем, что у меня есть интересы помимо музыкальных. А Интернет нынче – универсальный способ получения информации и обсуждения её с единомышленниками, которые действительно поймут и поддержат твои идеи.

Грустно признавать, но я ни за что не стал бы обсуждать то, о чём читал, с ребятами из группы. Они сочли бы меня безумцем или посмеялись бы надо мной.

А в сети я имею полную свободу говорить о том, о чём хочу. В социальных сетях меня можно найти под именем Джон Смит. С этой странички я сижу в интересных мне сообществах, закрытых форумах, подписываюсь на новостные рассылки. А с верифицированного аккаунта Дилана Бладлесса – общаюсь с фанатами, выкладываю фотографии, делаю посты с новостями о группе.

– Дилан, ты сидишь с телефоном даже в туалете, – говорит Майк. – Ей богу, это уже не смешно.

– Он просто смотрит порно, – Джей подмигивает мне. – Верно, Дил, мы раскусили тебя?

Вздыхаю. Должен ли я удостоить ответом этот идиотский вопрос? Ударник ещё несколько секунд хихикает, но видя, что никто не разделяет его энтузиазма, замолкает.

Лейтон говорит:

– Да ну, у Дилана отбоя нет от девушек, неужели ты думаешь, он станет смотреть порно?

Чуть ли не с нежностью гляжу на гитариста. Пытается ли он поддержать меня или просто хочет положить конец перепалке? Как бы то ни было, я хватаюсь за возможность сменить тему разговора.

– Вот очень распространённое ошибочное суждение о том, что при наличии регулярных половых отношений, не должно возникать желания смотреть порно.

– Ну-ка, гуру, – подначивает Энди. – Поведай нам.

– Мужской организм нуждается в постоянной эротической стимуляции, а зрительные впечатления получить проще всего. Отсюда и тяга к порно даже у женатых мужчин и тех, кто имеет постоянную партнёршу, а то и нескольких.

– Парни, мы пришли сюда работать или обсуждать порно? – кричит нам из-за стекла звукорежиссёр, и его голос гулко раздается из динамиков.

– Он прав, – Лейтон берёт свою гитару. – Давайте займемся делом.

Да, давайте займемся. По крайней мере, вы перестанете упрекать меня за опоздание.

Пытаюсь сосредоточиться на записи вокала, но вместо этого размышляю о том, что жизнь рок-звезды это не овации, девочки, вечеринки, а огромный набор постоянных «должен». Ты должен придерживаться графика, должен быть милым, должен улыбаться, должен приходить во время, должен нести ответственность за своих поклонников, должен выкладываться на сцене, должен отрабатывать гонорары, должен общаться с прессой. Должен, должен, должен, должен! Это слово звенит у меня в голове сотней маленьких колокольчиков, сводя меня с ума. Я зажмуриваюсь на секунду и... запинаюсь.

Следом за мной с ритма слетает Энди.

– Дилан, ну чёрт побери! – восклицает он.

Остальные на происходящее никак не реагируют, даже не поднимают глаз от телефонов.

– Записал? – спрашиваю, с надеждой глядя на звукорежиссёра. – Записал?

Тот качает головой.

Руки опускаются и ощущение собственной беспомощности сейчас сильнее, чем когда-либо. Я поворачиваюсь к остальным музыкантам, и мне кажется, что они смотрят на меня с осуждением.

– Не можешь даже полкуплета пропеть, – с презрением говорит Джей.

– Подвел опять всех, – вторит ему Майк.

– Профессионал называется, – фыркает Лейтон. – Какой ты профессионал после этого?

– Эй! – протестую. – Каждый может ошибиться!

Музыканты всё так же смотрят в телефоны. Моё воображение не на шутку разыгралось. Конечно, они никогда бы так не сказали, они всегда поддержат меня. Наверное.

– Ничего страшного, – говорит Энди. – Давайте дубль два.

На сей раз все проходит гладко. Но, боясь критики со стороны музыкантов или стараясь загладить вину за ту чудовищную ошибку, я стремлюсь всё сделать идеально.

У нас уже сотни мегабайт записанного в нескольких версиях трека и определить, какая войдёт в альбом, можно будет только после сведения.

Звукорежиссёр руки с пульта уже даже не убирает.

– Чип! – зываю я к нему уже в который раз за день. – Давай этот кусок перепишем ещё раз!

Тот возводит глаза к небу:

– Зачем? Дилан, у нас всё нормально. Когда будет плохо – я скажу!

Недовольно бурчу о том, что мне не дают работать так, как я хочу. Мы делаем ещё несколько попыток, но настроение у всех, в целом, хорошее. Мы все вместе идём на стоянку к нашим машинам, и тут Джей спрашивает:

– Дил, а когда ты вернёшь мне пятьсот баксов?

– Какие пятьсот баксов?

– Ты не подумай, что я тороплю, – сразу начинает махать руками барабанщик. – Я просто спросил!

– Джей, ты что-то путаешь, я не брал у тебя в долг деньги.

– Не брал? Ты проиграл их мне на футбольном матче Гэлакси, когда мы устроили небольшой тотализатор.

Смотрю на него во все глаза, пытаюсь осознать, о чём он говорит. Устроили тотализатор на футбольном матче?

– Не бери в голову, – Джей нажимает на кнопку сигнализации, и его машина, мигнув фарами, приветствует хозяина.

Поворачиваюсь к остальным, в надежде на то, что они пояснят мне, о чём тот толкует.

– Мы сидели в спорт-баре в Уэст-Голливуде, смотрели футбол, и вы с Джеем затеяли спор о том, кто выиграет, – говорит Лейтон. – Он предложил поставить деньги, и вы скинулись по двести пятьдесят баксов. Победитель забирает всё.

– Ты вроде был не настолько пьян, – смеётся Майк, видя моё замешательство.

Прощаюсь с ребятами, сажусь в машину. Город уже просыпается, поэтому приходится ехать, следуя ограничениям скорости. Почему-то у меня появляется чувство, что за мной следят.

Смотрю в зеркало заднего вида, плотный поток машин движется сзади меня, не замечая ничего подозрительного, включая музыку. Она помогает расслабиться, и я добираюсь до дома, растворившись в гитарных риффах, льющихся из стереосистемы.

Глава 8

Снова в тур. Нас ожидает выступление на одном из крупнейших европейских фестивалей и с десятком клубных концертов.

Мы сидим в самолёте. Я между Лейтоном и Дугласом. Терпеть не могу сидеть у окна или прохода. Остальные члены группы впереди нас. Гитарист берёт газету, предложенную бортпроводницей, читает. Дуг с ноутбуком на коленях составляет какие-то сметы, ребята впереди нас смеются. Я надеялся поспать, но снотворное осталось в чемодане, а без него здесь не уснуть. Вопли детей в салоне меня раздражают, и я думаю, почему бы не сдавать их в багаж вместе с собаками. Это мысль, за которую мне стыдно. Я не был таким раньше.

– В Аризоне пойман человек, убивший трёх девушек, – читает вслух Лейтон. – Им оказался двадцатичетырехлетний житель Глендейла, который, как установило следствие, привёз жертв в нежилой дом на окраине города, где нанес им несовместимые смертельные увечья.

– Я думал, все эти убийства, походящие на сюжеты для фильмов ужасов, и серийные маньяки остались в прошлом, – не поднимая глаз от ноутбука, говорит Дуглас. – Думал, мы, наконец, стали цивилизованным обществом.

– Мечтай, – отзываюсь я.

– Удивительно, – Лейтон листает газету дальше. – Люди не боятся ничего: ни правосудия, ни гнева божьего.

– Гнева божьего, – фыркает впереди Джей. – Не смешите.

– На самом деле про такие вещи ещё очень мало пишут, – говорю я. – А между тем насильственных смертей по стране огромное множество. И это не бытовое насилие, а именно – дело рук маньяков, многие из которых до сих пор остаются неизвестными и орудуют в разных уголках страны.

– Откуда такие познания? – оборачивается Майк.

– Наткнулся на пару специализированных сайтов.

– Так вот, оказывается, что ты делаешь в Интернете! – улыбается Энди. – Мы-то думали, он смотрит порно, а он читает всякую чернуху!

– Я даже и не знаю, что хуже, – бормочет себе под нос Дуглас.

– А хуже всего то, – пропускаю колкость басиста мимо ушей. – Что когда полиция не может найти виновного, за дело берутся местные любители справедливости и устраивают самосуд, за что сами нередко попадают за решетку.

– Ди-ка-ри, – по слогам произносит Джей.

– И этот мир вы собрались менять, – Дуглас, наконец, откладывает ноутбук и принимается за принесённый бортпроводницей обед.

– Мир не слышит нас, – качает головой Лейтон.

– И не услышит, пока мы будем просто петь песни! – восклицаю я. – Надо сделать что-то более глобальное, чтобы на нас обратили внимание не только люди, интересующиеся музыкой! Нужно охватить больше социальных групп!

– Мне кажется, у него идея фикс, – доносится спереди голос Джея.

Живо представляю, как он закатывает глаза и тычет большим пальцем назад, указывая на меня.

Энди спрашивает:

– Есть идеи, как это устроить?

– Есть. Но они ещё слишком сырые, чтобы раскрывать все карты.

Барабанщик разматывает наушники от айпода, явно давая всем понять, что для него этот разговор закончен, Дуглас снова берётся за ноутбук, Лейтон читает.

Я достаю телефон. Я начал работать над одним проектом, накачал специальных приложений, посмотрел видеокурс и теперь воплощаю свою идею в жизнь.

Самолет приземляется в аэропорту Лидс-Брэдфорд, откуда нас везут прямо на фест. Наш куратор – очень милая девушка с ярко-рыжими дредами. Я замечаю, что она всё время влюбленно поглядывает на Джея поверх солнечных очков. Барабанщик это тоже видит и садится в автобусе позади неё, они беседуют.

Я устраиваюсь на последнем ряду сидений, вытягиваю ноги, надвигаю бейсболку как можно ниже и утыкаюсь в телефон. Пусть девочка думает, что я капризная рок-звезда (кем я, по сути, и являюсь), я слишком занят, чтобы любезничать с людьми, которых вижу в первый и последний раз.

Хотя, признаться, меня уязвляет то, что ей нравится Джей, а не я. Такое вообще возможно? Я – фронтмен, вокалист, автор текстов. Я делаю яркое шоу за счет своей харизмы и обаяния. А он – ударник, его место навеки позади меня, позади всех.

Нас привозят на фестиваль, показывают две оборудованных для группы гримёрки, в которых уже висят распечатки с нашим расписанием на сегодня. Мы выходим на сцену в десять вечера, сейчас шесть. Сидеть в раскаленной пластиковой коробке, которую для нас выстроили, нет никакого желания. Сеть здесь просто ужасная, и я отправляюсь погулять. Шатаюсь по территории фестиваля, пытаюсь найти поклонников Children of Pestilence, которых можно будет привлечь к моему проекту. Нахожу их у палатки с мерчем. Фотографируюсь, раздаю автографы, с некоторыми обещаю обязательно связаться в Фейсбуке, когда запущу свой сайт. Он будет называться «Армия Дилана Бладлесса». Армия, призванная изменить мир. Я уже нанял дизайнера и веб-мастера, остаётся лишь дожидаться, когда они закончат свою работу.

Пообщавшись с поклонниками, получив от них так необходимую мне энергию, иду слоняться по фестивальному городку. Киваю и вяло улыбаюсь всем, кто встречается мне по пути: знакомым, незнакомым, тем, кого знал, но забыл. Вижу в тени сцены Майка, беседующего с Кевином, вокалистом набирающих сейчас популярность Stones doesn't sweat. Иду к ним и за те секунды, что я преодолеваю каких-то двести футов, я думаю о том, какие эти ребята молодые, яростные, полные энергии. Та музыка, которую они играют, сейчас в моде. Группа поймала волну, и на её гребне, движется к вершине альтернативного Олимпа.

Вздыхаю. Рано или поздно Stones doesn't sweat и подобные им коллективы, сметут со своего пути такие группы, как Children of Pestilence. Это неизбежно, это преемственность поколений в музыкальной индустрии. Но, как говорится, что-то модно, а что-то – вечно. Мы вечны. Мы уже вошли в историю. «Наша тесная компания будет жить вечно».

– Привет, Дилан, – улыбается мне Кевин.

Жму ему руку. Пожатие у парня крепкое, глаза – живые и яркие.

– Я как раз обсуждал с Майком ваш концерт в Майами месяц назад, – говорит он. – Вы играли просто потрясающе! А этот момент, когда ты набираешь полный рот воды, а потом выплевываешь её... так высоко! Это же какие сильные у тебя легкие!

Гитарист ласково треплет меня за плечо, а тот подытоживает:

– Я восхищён!

– Спасибо, но, – бросаю быстрый взгляд на Майка. – Мы не играли в Майами с прошлого года.

Кевин озадачен, Майк улыбается, но глаза остаются серьёзными:

– Играли, Дил.

– Да! – подхватывает Кевин. – Играли! И играли просто волшебным!

Я смотрю в одну точку, силясь вспомнить этот концерт, но не могу. Я не помню не только шоу, но и вообще факт того, что был в Майами недавно. Вокалист Stones doesn't sweat словно

чувствует исходящее от меня напряжение и спешит ретироваться. Со словами: «Увидимся позже», он исчезает между палаток. Я поворачиваюсь к Майку.

– Завязывай с клопином, Дилан, – говорит он. – Скоро в зеркале себя узнавать перестанешь.

Многих моих поклонниц и журналистов интересует вопрос, есть ли у меня подруга. Я не бегу в интервью от этой темы, как некоторые мои коллеги. Если она есть, я говорю – да, у меня есть девушка, любимая.

Но её нет. Уже больше года. Я бросил её, хотя серьёзно задумывался о нашей свадьбе. А всё потому, что понял – я её никогда не любил.

Мою девушку звали Райна. Она была моделью. Наши совместные фотографии часто мелькали в прессе, что неудивительно, когда медийные личности заводят роман. Поклонницы Children of Pestilence обсуждали на форумах, поженимся ли мы, и, порвав с ней, я их немало порадовал. Друзья и знакомые были в шоке, когда узнали, что мы расстались, Райна много плакала. Я читал в новостях, как перед некоторыми показами на неё накладывали тонны макияжа, чтобы скрыть красные круги под глазами. Наверное, меня должны были мучить угрызения совести, но вместо этого у меня родилась идея для одного из наших видео, где все модели выходят на подиум в слезах. Актрисам для этого приходилось капать в глаза глицерин. Я остался доволен результатом, видео получилось именно таким, как я его себе представлял: тяжёлым, эмоциональным и даже немного гротескным. Основной моей идеей было показать, как отвратителен и страшен мир моды, на который я достаточно посмотрел изнутри, чтобы делать подобные выводы. Я ни в коем случае не пытался задеть чувства Райны, но после выхода клипа в ротацию, она прислала мне сообщение, в котором обозвала меня гнусным, циничным типом. Больше я о ней не слышал.

Итак, как я понял, что не люблю эту девушку? За то время, что мы были вместе, ей не удалось ни на что меня вдохновить. У неё были красивые голубые глаза, светлые волосы, гладкая кожа, правильные черты лица, не искажённые пластикой или ботоксом. Она всегда была ухожена и аккуратно одета. Я упомянул шикарную фигуру? Да, у Райны было отличное тело. Она трижды в неделю посещала фитнес-клуб. Было даже время, когда я ходил на занятия с ней и ревновал к личному тренеру. Сейчас это все кажется таким глупым, несущественным.

Она была очень красивой девушкой, у нас был отличный секс, мы весело проводили время вместе, на неё было приятно смотреть. Просто любоваться её нежным личиком и изящным телом. Но на одном любовании далеко не уедешь. Я творческий человек и мне нужно было вдохновение. Странно, как девушка такая красивая, сексуальная – и неспособна вдохновлять. Мне не нужна была такая, я нуждаюсь в постоянной творческой стимуляции, которую Райна мне дать, к сожалению, не могла. Только после нашего разрыва я понял, что проблема была не в ней, а во мне, но это ничего не изменило бы. Кто бы ни был в этом виноват, Райна не вдохновляла меня.

Я поднимаюсь на сцену, когда небо уже тёмное. Время для сета идеальное. Машу руками, как бы говоря зрителям, эй, подходите ближе к сцене, сейчас будет жарко!

В выступлении на фестивалях подобного типа, конечно, есть своя прелесть и романтика, но так же есть и свои минусы. Например, то, что во время выступления любой группы, среди аудитории есть те, кто ждёт другую, и портит всю атмосферу своими кислыми лицами. Сегодняшний вечер не стал исключением. Я быстро нашел глазами в толпе поклонников Children of Pestilence и решил, что буду петь только для них. Те, другие, это почувствуют. И как они пренебрегают Артистом – Артист будет пренебрегать ими.

Я люблю быть на сцене, люблю видеть беснующуюся толпу и своих музыкантов рядом. Я живу этим и, если у меня отнимут возможность исполнять музыку – я погибну.

Декорации вокруг сцены немного закруглены, по бокам их расположены экраны, на которые транслируется выступление группы. Благодаря полукруглой форме конструкций, я вижу то же самое, что видят зрители. Вижу себя таким, каким видят меня они. И мне нравится это зрелище. В какой-то момент свет прожектора падает на меня сзади, мои волосы растрепаны и кажется, будто голова окружена сверкающим ореолом. Как у святого, как у Мессии. Зрелище настолько волшебное и захватывающее, что я едва не задыхаюсь от переизбытка захлестнувших меня чувств.

Я много размышлял о том, что движет людьми, когда они совершают те или иные поступки, и понял, что мотивы не дано разгадать никому. Кто бы мог подумать, что именно увиденное на экране, дало мне толчок сделать то, что я давно хотел, но по ряду причин не решался.

Когда мы закончили играть очередной трек, я водрузил микрофон обратно на стойку и, тяжело дыша, произнес:

– Спасибо!

Зрители кричат и машут флагами, я чувствую отдачу, это придает мне смелости, и я продолжаю:

– Вы готовы к настоящему рок-шоу?

Реакция положительная – да, они готовы.

– Вы готовы к новому миру?

Снова одобрительный гул и колышущиеся флаги. Краем глаза смотрю на музыкантов, они промокают лица полотенцами, пьют воду и совершенно меня не слушают. Ну и чёрт с ними.

– Вы готовы менять его вместе со мной? – ору я в микрофон.

– Да-а-а!

– Вы готовы следовать за мной?

– Да-а-а!

– Отлично, тогда мы продолжаем! – делаю взмах рукой, который должен послужить музыкантам сигналом, и они снова начинают играть.

Позже выступление Children of Pestilence назовут одним из лучших на этом фестивале, а сегодняшний день – днём, когда группа подтвердила свой золотой статус. Я же предпочитаю называть сегодняшний день «Днём, когда начала вершиться история».

Глава 9

Мы снова в аэропорту Лидс-Бредфорд. Я немного взбудоражен вчерашним выступлением, нервно притопываю ногой и барабаню пальцами по ручке чемодана.

Мы проходим регистрацию, сдаём багаж, заскакиваем в кофейню на чашечку кофе и отправляемся на предполетный контроль. Меня начинает знобить, появляется дурное предчувствие. Дуглас раздаёт нам наши паспорта, с вложенными в них посадочными талонами, парни идут на контроль, я плетусь сзади.

Когда подходит моя очередь, снимаю солнечные очки и хмуро смотрю на таможенника в кабинке. Почему-то в этот момент я его ненавижу. Откуда ни возьмись появляется ещё один с бумажной тест-полоской, просит показать ему ноутбук. Музыканты уже в зале ожидания. Меня же ведут в отдельную комнату, обеспокоенный Дуглас семенит за нами.

То место, куда меня привели, совершенно не похоже на зал для комфортного отдыха пассажиров.

– Ноутбук к досмотру, – требует таможенник.

Я выкладываю на стол свой Макбук Про последней модели. Они, что, собираются привлечь меня за пиратский софт?

– Позвольте напомнить, что вы не имеете права включать ноутбук, не имея на это разрешения, – вмешивается Дуглас. – Это посягательство на частную жизнь!

– А вам лучше подождать снаружи.

– Я не могу. Это мой артист, я не могу его оставить.

– Покиньте, пожалуйста, помещение.

Дуглас лепечет что-то невразумительное, против закона аргументов у него нет.

– Подожду снаружи, – говорит он мне и выходит.

Теперь, без тур-менеджера, становится по-настоящему тревожно. На таких досмотрах всегда боишься, что у тебя что-то найдут, даже если ничего и нет.

– Но вы ведь, действительно, не имеете права включать его без моего адвоката, – говорю я так, словно конфиденциальность моих данных самая важная вещь на данный момент.

– Мы не будем его включать.

С всё возрастающим напряжением слежу, как он проводит тест-полоской по клавиатуре и тачпаду, а потом опускает её в сканер. Пытаюсь прочесть что-то на его лице. Не могу.

– А я на рейс не опоздаю?

Таможенник не отвечает, он смотрит на сканер и, ничего не выражающим голосом, говорит:

– Откройте, пожалуйста, сумку.

А вот это мне уже не нравится. Ставлю сумку на стол, расстегиваю молнию. Таможенник не прикасается ни к чему, только говорит мне, что нужно выложить и какие карманы открыть. У меня над верхней губой уже выступил пот, очень хочу утереть его, но боюсь показаться нервным.

– Только одежда осталась, – говорю я, когда на столе уже лежат все мои личные вещи, бумажник и гаджеты.

– Разверните.

– Вам не кажется, что это уже лишнее?

– Делайте то, что Вам говорят.

Меня коробит, когда он называет мою настоящую фамилию, злит, что эти люди копаются в моих вещах. Дать выход эмоциям нельзя. Бежать некуда. Стараясь сохранять полное спокойствие, я вытаскиваю из сумки джинсы, немного потрясаю ими в воздухе, кладу на стол. Но этого им мало. Беспомощно наблюдаю, как таможенник осматривает карманы и вынимает оттуда то,

до чего добраться не должен был – маленький пакетик, для безопасности, закреплённый канцелярской скрепкой. Поднимает его на уровень моих глаз, ждёт моей реакции.

– Насколько я знаю, употреблять никто не запрещает, – говорю. – Очевидно, что я не наркурьер и это только для личного пользования.

– А это мы сейчас узнаем, – он откладывает пакетик и говорит в рацию. – Досмотреть весь багаж Дилана Картера!

Меня снова передергивает – ненавижу свою настоящую фамилию. В кармане вибрирует телефон, сообщение от Дугласа: «Мы улетаем в Америку, я перекинул тебя на более поздний рейс. Не отвечай ни на какие вопросы без своего адвоката. С ним уже связались. Я всё улажу».

Мои губы невольно трогает улыбка. О, Дуглас. Что бы мы делали без него? Тур-менеджер, директор, друг, ангел-хранитель.

Следующие несколько часов сижу в этой комнате в одиночестве и полном неведении, относительно того, что сейчас происходит за её стенами. Не помню, сколько времени прошло между тем, как я попал сюда и как вернулся тот самый таможенник со словами:

– Вы можете идти, мистер Картер.

– Пять граммов кокса! Поверить не могу, что вы меня продержали здесь столько времени из-за пяти граммов кокса!

Он не реагирует, понимаю, что нарываться не стоит, беру свою сумку и вылетаю в коридор. Я просто в бешенстве. Надеваю тёмные очки. Поскольку уже зарегистрирован, иду напрямиком в зал ожидания, пройдя ещё один контроль. В зале ожидания душно, меня раздражает почти всё вокруг: звук катящихся по полу чемоданов, плачущий ребенок, голоса.

Когда я, наконец, оказываюсь в самолёте и надеваю наушники, кажется, что все кошмары сегодняшнего дня уже закончились. Но не тут-то было!

В нью-йоркском отеле, в небольшом фойе на этаже, меня ждёт вся группа во главе с Дугласом. Незаметно проскользнуть в номер не получается.

– Вы, наверное, хотите поговорить со мной, – предполагаю, тыкая карточкой мимо замка.

– Ты даже не представляешь, как, – медленно отвечает Джей.

Распахиваю дверь, приглашая их внутрь.

– Ничего не хочешь нам сказать? – интересуется Майк.

– А разве должен?

– А разве нет?

– Успокойтесь! – влезает Дуглас. – Я вас собрал не для того, чтобы вы ругались. Дилан, то, что ты сделал не идёт ни в какие рамки.

– Что же я сделал такого? Да, принял грамм кокаина в Лидсе. Да, у меня осталось ещё пять. Как я должен был поступить? Выбросить их? Смыть в унитаз несколько сотен долларов?

– Ты пытался провести наркоту через границу! – кричит Джей. – Ты совсем спятил? Или ещё не отпустило?

Молчу. Злобно смотрю на них.

– Дил, я не буду лезть в твою жизнь, поучать тебя. Ты уже взрослый мальчик, – говорит мне Дуглас. – Главное, чтобы это не вошло у тебя в привычку, которая тебя однажды погубит.

– Не переживай, у меня всё в порядке с силой воли.

– Вот и прекрасно, – хлопает меня по плечу тур-менеджер. – Общий сбор завтра в десять утра. И никаких наркотиков в чемодане!

Они уходят, не желая мне спокойной ночи, а я отправляюсь в душ, размышляя о том, а правда ли у меня с силой воли всё в порядке? Знаю ли я, когда мне остановиться?

Смотрю в зеркало. Я всё ещё молод и красив: у меня красивое тело, привлекательное лицо, густые волосы, я никогда не позволю себе опуститься до законченного наркомана, который перестанет следить за собой. Я слишком люблю себя.

На следующий день мы уже в Амстердаме, через день в Загребе, через два – в Варшаве. Кажется, музыканты на меня больше не злятся, концерт только завтра, и мы планируем, чем займемся вечером. Дуглас и Джей решают остаться в гостинице, а мы с Лейтоном, Майком и Энди идем гулять.

Мы собирались осмотреть достопримечательности, но без гида обойти всё не представлялось возможным, и мы ограничились тем, что просто прогулялись по старому городу, зашли в ресторан поужинать и вернулись в гостиницу.

Нас опять поселили по двое, и я, как обычно, живу с Лейтоном. Он открывает номер своим ключом, включает свет, я вхожу следом.

– Лейтон, – говорю. – Мне кажется, вещи лежат не так, как мы их оставили.

– Наверное, заходила горничная, – отвечает гитарист и идёт в душ.

Заглядываю в мусорную корзину. Нет, это не горничная, иначе она опустошила бы её. Я точно помню, что вешал свои джинсы на спинку стула, а сейчас они лежат на кровати.

– Дуг, – звоню тур-менеджеру. – А ты в наш номер не заходил?

– Нет. А в чём дело? Что-то пропало?

– Нет, я просто спросил. Спокойной ночи.

Лейтон моется, а я залезаю в кровать, выключаю свет и натягиваю одеяло до подбородка. Ему всё равно, ему кажется, что ничего не произошло, но я точно помню, что вешал джинсы на спинку стула! Не буду больше поднимать эту тему, иначе он опять надо мной посмеётся.

Через несколько минут дверь ванной открывается, выходит гитарист в одних трусах и шепчет в темноту:

– Дил, ты спишь?

Не отвечаю, слышу, что он тоже ложится и вскоре начинает храпеть, а я ещё долго лежу с закрытыми глазами, тщетно пытаюсь заснуть.

После чека мы сидим в гримёрке, коротая время до начала шоу, каждый со своим ноутбуком.

Входит Дуглас.

– Слишком большое количество гаджетов на квадратный метр, – бурчит он.

– А чего ты такой мрачный? – спрашивает Энди.

– Пришло письмо от лейбла.

– Что пишут?

– Кратко сказать или прочесть?

– Скажи кратко.

– Песни, которые мы подготовили для альбома слишком альтернативные, и их не возьмут на радио, где за ротацию платят по десять долларов, с которых лейбл получает процент. Посему, когда мы вернемся, нам надо будет их переделать.

– Чёрта с два! – восклицаю я.

– В противном случае, они отказываются издавать альбом, который не принесет им прибыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.